

** * viva Dante*
**Рабская невеста для
Дракона**

viva Dante

Рабская невеста для Дракона

«Автор»

2026

Dante v.

Рабская невеста для Дракона / v. Dante — «Автор», 2026

София была старшей принцессой—пока собственная семья не отреклась от неё и не вычеркнула из истории. Лишённая имени, титула и права на возвращение, она вынуждена скрываться под личностью младшей сестры — принцессы Лианы. Но судьба приводит её на арену, где наследный принц Цезарь должен выбрать женщину, способную изменить будущее королевств. Он выбирает её — не Софию, а Лиану, ту, кем она притворяется. Между ними вспыхивает чувство, которому не место среди дворцовых интриг, политических союзов и старых вражд. Однако, каждая ласка, каждый взгляд и каждое слово любви становятся для Софии мучительным напоминанием: Цезарь любит не её настоящую, а созданный ею образ. Пока принцесса пытается сохранить свою тайну, Джулиан узнаёт правду. Он обещает молчать, но требует взамен невозможного — отказаться от Цезаря и сделать всё, чтобы тот потерял к ней интерес. Теперь ей предстоит выбирать между любовью и безопасностью, правдой и ложью, свободой и чужим желанием. Но что случится, когда тайна падёт?

© Dante v., 2026

© Автор, 2026

viva Dante

Рабская невеста для Дракона

Глава 1. Пепел родного дома.

Город горит уже третий час.

Пламя поднимается над крышами, пожирает деревянные дома и отражается в мутной воде реки. Небо становится багровым, а воздух наполняется гарью, криками и тяжёлым гулом драконьих крыльев.

София бежит по улице, прижимая к груди свёрток с лекарственными травами.

Золотые волосы выбиваются из косы и хлещут по лицу. На босых ступнях кровь — она не помнит, когда порезалась. Подол серого платья пропитан сажей, пальцы дрожат от усталости, но она не останавливается.

Позади рушится чей-то дом.

Над головой проносится дракон.

Его тень накрывает улицу, словно чёрное облако. В следующий миг из пасти вырывается поток огня. Пламя обрушивается на башню городских ворот. Камни взрываются, и в воздух летят обломки.

София пригибается, закрывая голову руками.

Жар обжигает кожу даже на расстоянии.

— Мама, — шепчет она.

Ей нельзя задерживаться.

София поднимается и снова бежит.

Город Солы никогда не видел войны. Он стоит далеко от восточных границ, окружённый зелёными холмами и виноградниками. Здесь выращивают целебные травы, ткут светлые ткани и поклоняются Солнцу. Люди верят, что драконы не тронут их, если королевство будет платить дань и не станет спорить с империей.

Они ошибаются.

Драконы приходят без предупреждения.

Сначала над городом появляются воины на драконах. Потом раздаётся рёв. Затем огонь начинает падать с неба.

София видит, как на площади рушится храм. Люди бегут во все стороны. Кто-то зовёт детей, кто-то пытается вынести из домов вещи, но пламя быстрее.

Никто не защищает город.

Королевские солдаты исчезают ещё в первый час.

София знает, куда они ушли.

В замок.

Она сворачивает к северной дороге и бежит к крепостной стене. Главные ворота распахнуты. Стражники пропускают внутрь только знать, придворных магов и членов королевской семьи. Простых жителей оттесняют копьями.

— Пропустите меня! — кричит София.

Один из стражников толкает её назад.

— Уходи!

— Мне нужно к королю!

— Дворец закрыт.

— Моя мать умирает! Король обязан помочь!

Стражник смотрит на её покрытое пеплом лицо и усмехается.

— Королю сейчас не до чужих матерей.

София сжимает свёрток с травами.

— Она жена короля.

Мужчина замирает.

София не произносит слово «бывшая». Не произносит, что король Эдгар бросил её мать много лет назад, когда та заболела. Не говорит, что он выбрал другую женщину — молодую придворную леди Селину, которая вскоре родила ему дочь.

Лиану.

С тех пор король почти не вспоминает о Мариэль.

Но София помнит всё.

Помнит, как отец уезжает из их дома, когда ей семь лет. Помнит, как мать лежит в постели, слишком слабая, чтобы подняться и остановить его. Помнит, как Эдгар говорит, что не может всю жизнь смотреть на больную женщину.

Помнит его обещание вернуться.

Он не возвращается.

С тех пор София и её мать живут в старом доме на окраине города, получая небольшое содержание от дворца. Слишком мало для достойной жизни, но достаточно, чтобы король мог утверждать: он не бросил их окончательно.

Теперь их дом сгорает вместе с остальными.

— Пропустите! — повторяет София.

— Девушка, я сказал...

— Она жена короля!

София использует магию.

Тонкое золотое сияние вспыхивает в её ладони. Рана на пальце стражника, полученная от осколка камня, затягивается прямо у него на глазах. Кровь исчезает, кожа становится целой.

Мужчина отступает.

— Целительница...

— Я дочь короля Эдгара, — говорит София. — И если вы не пропустите меня, я сама расскажу ему, как вы преградили дорогу его семье.

Это ложь.

Отец никогда не считал её семьёй.

Но стражник не знает.

Он бросает взгляд на охваченный пламенем город, затем отходит в сторону.

София пробегает через ворота.

В замке тихо.

Слишком тихо.

Пока город умирает, крепость живёт своей жизнью. Во внутреннем дворе слуги грузят сундуки на повозки. Дворяне спорят с охраной. Кто-то пытается покинуть Солу через западные ворота.

Король собирается бежать.

София останавливает первого попавшегося слугу.

— Где король?

Тот смотрит на неё с испугом.

— В тронном зале.

Она не благодарит. Просто поднимает юбки и бежит по лестнице.

В тронном зале находятся её отец, королева Селина и Лиана.

Король одет в доспехи. На его плечах лежит тёмный плащ, а рядом стоят несколько сундуков. Селина держит дочь за руку. Лиана бледна, но на ней нет ни пылинки.

София врывается в зал.

— Отец!

Эдгар резко оборачивается.

На его лице появляется раздражение.

Не тревога.

Не облегчение.

Именно раздражение.

— Как ты сюда попала?

— Город горит. Мама больна. Вы должны прислать врачей.

— Здесь нет врачей.

— Тогда пошлите магов!

— Все придворные целители заняты.

— Они могут спасти её!

— София, — вмешивается королева Селина, — сейчас не время для истерик.

София переводит взгляд на неё.

— Моя мать умирает.

— Умирает уже много лет, — холодно отвечает Селина. — Ты должна была привыкнуть.

София чувствует, как в груди вспыхивает ярость.

— Замолчите.

— Как ты смеешь?

— Вы были причиной того, что отец оставил нас.

В зале становится тихо.

Лиана сильнее сжимает руку матери.

Король опускает взгляд.

Это движение причиняет Софии больше боли, чем если бы он ударил её. Эдгар не защищает Селину. Не защищает Мариэль. Он просто хочет, чтобы этот разговор закончился.

— Отец, — София обращается к нему, — я прошу только об одном. Отправьте к маме врача. Она не переживёт ночь без помощи.

— Мы не можем остаться.

— Тогда оставьте врача!

— София, драконы уже в городе.

— Вы собираетесь бежать?

Король молчит.

София смотрит на сундуки.

— Вы бросите нас снова?

— Я должен спасти королевскую семью.

— Мы тоже ваша семья.

— Не начинай.

— Нет, я начну. Вы бросили маму, когда она заболела. Вы выбрали Селину и Лиану. Но теперь, когда город горит, вы снова собираетесь спасти только их.

— Довольно!

Голос короля разносится под сводами.

— Ты ничего не понимаешь. Драконы требуют принцессу. Это условие прекращения нападения.

София застывает.

— Что?

— Принц Цезарь напал на город не ради завоевания. Ему нужна дань.

— Живая дань?

Эдгар не отвечает.

Лиана начинает плакать.

— Отец...

Король смотрит на неё, и его лицо смягчается.
София видит всё.
Если выбор будет между ними, он выберет Лиану.
Как всегда.
— Нет, — говорит София.
Эдгар переводит взгляд на неё.
— Что ты сказала?
— Вы не отдадите ему Лиану.
Королева Селина бледнеет.
— Эдгар...
— Драконы требуют принцессу, — продолжает король. — Если я откажусь, Цезарь сожжёт оставшуюся часть города.
— Тогда отправьте меня.
Слова вырываются прежде, чем София успевает их обдумать.
Лиана вскидывает голову.
— Нет.
София смотрит на неё.
— Почему нет?
— Ты не можешь.
— Могу.
— Цезарь убьёт тебя.
— Возможно.
— Отец, скажите ей!
Король молчит.
София поворачивается к нему.
— Если я поеду, вы пошлёте лекаря к маме?
Эдгар смотрит на неё долго.
Слишком долго.
— Да.
София понимает: он уже принял решение.
Он собирался отдать Лиану. Но если София сама предлагает себя, всё становится проще.
— И дадите ей защиту?
— Да.
— Клянитесь магией крови.
В зале раздаётся тревожный шёпот.
Клятва кровью необратима. Нарушивший её человек теряет магию, а иногда и жизнь.
Король сжимает челюсть.
— Ты не доверяешь мне?
— Нет.
Селина делает шаг вперёд.
— Эдгар, не делай этого.
— Молчи.
Впервые за весь разговор он смотрит на неё с раздражением.
София замечает это и почти смеётся. Когда угроза касается Лианы, его голос становится мягким. Когда речь идёт о Софии, он готов заключать сделки.
Король достаёт кинжал.
— Кровь к крови, — произносит он.
Он режет ладонь и протягивает руку.
София подходит к нему.

— Скажи клятву, — требует она.

— Я, Эдгар, король Солы, клянусь своей кровью, что если София отправится в королевство Драконов вместо Лианы, я отправлю к Мариэль лучших целителей и обеспечу ей защиту до конца жизни.

— И не позволяйте Цезарю причинить ей вред, если сможете вмешаться.

Эдгар смотрит ей в глаза.

— Клянусь.

София достаёт свой нож и режет ладонь.

Их кровь соприкасается.

Магия вспыхивает красным светом.

Клятва принята.

— София, — шепчет Лиана, — ты не обязана.

София поворачивается к ней.

— Нет. Теперь обязана.

Через несколько минут её увозят.

Она не успевает увидеть мать.

Перед отъездом София лишь получает известие, что к дому отправлен лекарь. Она не знает, правда ли это. Не знает, жив ли ещё их дом. Не знает, переживёт ли Мариэль ночь.

Но верит клятве.

Потому что иначе ей придётся признать: она отдаёт себя в рабство напрасно.

Дорога занимает два дня.

Софию везут не в карете, а в закрытой клетке на колёсах. Формально она ещё принцесса Солы, но для драконьего войска это не имеет значения. На двери клетки выжжен знак покорности.

Её сопровождают шестеро всадников и два дракона-разведчика.

Цезарь не появляется.

София не знает, рада она этому или нет.

На третий день они прибывают в столицу королевства Драконов.

Город построен из чёрного камня. Башни поднимаются к небу, соединённые мостами. На каждой площади стоят статуи драконов, а над крепостными стенами парят живые звери.

Людей здесь много.

Только людей.

Одни обладают магией, другие нет, но все склоняют головы, когда над улицами проносятся драконы.

Софию проводят через огромные ворота на арену.

Она похожа на амфитеатр: ряды каменных сидений поднимаются вокруг круглой площадки, а над центром натянута сеть из металлических цепей. На верхних ярусах находятся вельможи, воины и женщины в дорогих платьях.

В центре арены стоят тринадцать девушек.

Все они одеты в светлые платья. На каждой — металлический ошейник.

Софию ставят последней.

— Тринадцать принцесс, — объявляет глашатай. — Дочери королевств, принесённые в дар старшему принцу Цезарю по праву победы.

София смотрит на девушек.

Некоторые плачут. Другие стоят неподвижно, будто уже покинули собственные тела. Одна держит подбородок высоко, несмотря на дрожь в руках.

София узнаёт себя в каждой.

На верхней трибуне появляется Цезарь.

Он сидит на чёрном троне, окружённый воинами. На нём нет доспехов — лишь тёмная туника, высокие сапоги и широкий пояс с мечом.

Он выглядит спокойным.

Слишком спокойным для человека, который только что привёл к себе тринадцать женщин и собирается выбрать одну.

В небе над ареной появляется дракон.

Большой зелёный зверь опускается на каменную площадку с другой стороны. Его чешуя блестит влажным малахитом, пасть раскрывается, и наружу вырывается дым.

Одна из принцесс вскрикивает.

Глашатай улыбается.

— Испытание начинается.

София поворачивается к нему.

— Какое ещё испытание?

Ответом становится рёв.

Зелёный дракон бросается вперёд.

Девушки разбегаются. На арене начинается паника. Кто-то падает, кто-то пытается добраться до ворот, но стражники не двигаются.

Дракон предназначен не для выбора.

Он предназначен для развлечения.

Зелёная голова резко поворачивается к принцессе, которая споткнулась у самого края площадки. Девушка пытается подняться, но её ошейник зацепился за выступ камня.

София не думает.

Она бросается к ней.

— Вставай!

— Я не могу!

София опускается на колени и касается цепи. Магия исцеления не предназначена для металла, но она направляет силу в замок. Золотое сияние вспыхивает, и металл раскаляется.

Дракон приближается.

София слышит его дыхание.

Жар обрушивается на лицо.

Она закрывает собой незнакомую девушку.

В этот момент над ареной раздаётся оглушительный рёв.

С неба падает чёрно-золотая тень.

Дракон врывается в зелёного зверя сбоку. Удар такой силы, что оба существа проламывают часть каменной ограды. Чёрный дракон расправляет крылья и закрывает Софию собой.

Его чешуя чёрная, но по ней проходят золотые полосы, словно внутри тела горит расплавленное солнце.

Орион.

Зелёный дракон рычит и пытается подняться.

Орион прижимает его к земле лапой.

На арене наступает тишина.

София стоит под огромным крылом, прижимая к себе спасённую девушку. Её сердце колотится, но она не может отвести взгляда от дракона.

Орион поворачивает голову.

Его золотой глаз оказывается напротив её лица.

Между ними возникает связь.

Не слова.

Не мысли.

Ощущение.

Дракон узнаёт её.

София чувствует его ярость, силу и странное, глубокое спокойствие. Он не считает её слабой. Не видит рабыней. Для него она — кто-то важный.

На трибуне Цезарь резко поднимается.

— Орион, — произносит он.

Дракон не отвечает.

Он продолжает закрывать Софию крылом.

Цезарь спускается на арену.

Все остальные девушки расступаются. Принц идёт прямо к Софии, не отрывая взгляда от Ориона.

Когда он подходит достаточно близко, чёрно-золотой дракон предупреждающе рычит.

Цезарь останавливается.

На его лице впервые появляется удивление.

Он смотрит на Софию.

— Ты.

София выпрямляется.

— Я спасала её.

— Я не спрашивал, что ты делала.

— Тогда задайте вопрос.

Вокруг раздаётся шёпот.

Рабыня не должна разговаривать с принцем подобным образом.

Цезарь изучает её с головы до ног. На её золотых волосах пепел, на щеке кровь, руки дрожат, но она не опускает взгляда.

— Как тебя зовут?

София вспоминает договор. Имя Лианы. Клятву отца. Золотую кровь, смешанную с её собственной.

— Лиана, — отвечает она.

Орион издаёт низкий звук, похожий на недовольство.

Цезарь замечает это.

Его взгляд становится внимательнее.

— Ты лжёшь?

У Софии перехватывает дыхание.

— Нет.

Она произносит это слишком быстро.

Цезарь делает ещё шаг.

Орион снова рычит, но София касается его чешуи.

Дракон мгновенно затихает.

По арене проходит волна изумления.

Цезарь смотрит на её руку, лежащую на золотой полосе его дракона, затем снова на её лицо.

— Орион выбрал тебя, — говорит он.

София ничего не отвечает.

— Из всех тринадцати.

Он обходит её, словно рассматривает редкое оружие.

— Она будет моей.

Глашатай склоняет голову.

— Ваш выбор объявлен.

Цезарь протягивает руку.

В его пальцахжат чёрный ошейник.

— Подойди.

София смотрит на него. На дракона. На девушек, которые теперь свободны от его внимания, но всё ещё остаются рабынями другого мужчины или заложницами своих королевств.

Она понимает: если отступит, Цезарь прикажет привести её силой.

Поэтому делает шаг сама.

Цезарь застёгивает ошейник на её шею.

Металл касается кожи.

Магия крови вспыхивает между ними.

Орион склоняет голову к Софии, прикрывая её от взглядов всего мира.

А Цезарь произносит:

— С этого мгновения ты принадлежишь мне.

София поднимает глаза.

Она боится его.

Ненавидит.

Но где-то глубоко внутри уже знает: однажды этот мужчина пожалеет о том, что выбрал её.

Глава 2. Чужое имя.

Орион взмывает в небо прежде, чем София успевает осознать, что происходит.

Она сидит перед Цезарем, прижатая к его груди. Могучие руки принца удерживают её за талию, не позволяя соскользнуть с широкой драконьей шеи. Ветер хлещет по лицу, рвёт волосы и забивает глаза слезами.

София не плачет.

По крайней мере, не из-за страха.

Она плачет от ярости.

— Отпустите меня, — кричит она сквозь гул ветра.

— Если я отпущу, ты упадёшь.

— Тогда я упаду!

— И разобьёшься.

— Это лучше, чем оставаться с вами!

Цезарь наклоняется к её уху. Его голос почти не теряется в шуме крыльев.

— Ты слишком быстро забыла, что я могу приказать Ориону сбросить тебя.

София замирает.

Она ненавидит себя за то, что поверила ему. Ещё сильнее ненавидит то, что не может понять, говорит ли он правду. Орион выбрал её на арене, защитил, позволил прикоснуться к своей чешуе. Но дракон принадлежит Цезарю, как всё в этом королевстве.

И если принц отдаст приказ, Орион может подчиниться.

София заставляет себя расслабить плечи.

Она не должна показывать страх.

Не сейчас.

Пока Цезарь считает её Лианой, у неё есть хотя бы слабая возможность выжить. Она должна помнить чужое имя, чужую жизнь, чужую роль.

Лиана.

Не София.

Дочь короля.

Принцесса, которую отец якобы добровольно отдал драконам.

Пленница, которую никто не станет искать.

— Вот так лучше, — произносит Цезарь.

София не отвечает.

Он чувствует её напряжение, но, кажется, принимает молчание за покорность. Это ей на руку.

Цезарь — человек, привыкший видеть перед собой страх. Он правит не только силой драконов, но и уверенностью, что никто не посмеет ему возразить. Люди склоняют головы ещё до того, как он отдаёт приказ. В его мире неповиновение — не право, а ошибка, которую следует исправлять.

Он не понимает, что София не покоряется.

Она выжидает.

Ей нужно узнать, где находится замок, кто служит Цезарю, кому можно доверять и как действует магия ошейника. Для этого придётся позволить ему верить в собственную власть.

Орион снижается над внутренним двором дворца.

Чёрно-золотой дракон приземляется мягко, несмотря на свои размеры. София спрыгивает на землю, едва лапы касаются мраморных плит, но Цезарь успевает схватить её за запястье.

Она резко оборачивается.

Теперь у неё есть возможность рассмотреть его вблизи.

Цезарь высок — выше любого мужчины, которого София когда-либо видела. Широкие плечи, крепкое мускулистое тело, сильные руки. Чёрные волосы падают на лоб небрежными прядями. Лицо резкое, красивое и холодное: острые скулы, прямой нос, жёсткая линия подбородка.

Но больше всего поражают глаза.

Серые, почти серебряные.

В них нет открытой ярости. Только сдержанная сила человека, который привык владеть собой и другими. Такой взгляд мог бы казаться спокойным, если бы не ощущение опасности, скрытое за ним.

На груди Цезаря видны несколько шрамов. Один проходит от ключицы к рёбрам, другой пересекает грудь по диагонали. Есть тонкие следы ожогов и глубокий рубец под левым плечом.

Он выглядит не придворным красавцем, а воином, который много раз выходил из битвы живым.

— Не так быстро, Лиана, — говорит он.

София едва не вздрагивает от чужого имени.

Каждый раз, когда её называют Лианой, она будто слышит голос сестры. Видит её испуганное лицо. Вспоминает, как та позволила ей занять своё место, а затем смотрела, как Софию увозят.

— Я не собиралась убегать, — отвечает София.

— Но думала об этом.

— Я думаю о многом.

— Это заметно.

Он не отпускает её руку.

— Вы можете отпустить.

— Могу.

— Тогда отпустите.

Цезарь смотрит на её пальцы, затем снова ей в глаза.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мне нравится, когда ты злишься.

София сжимает челюсти.

— Вы получаете удовольствие от чужого страха?

— От страха — нет.

— Тогда от чего?

Он немного склоняет голову.

— От сопротивления.

Цезарь не считает себя жестоким ради жестокости. В его сознании жестокость — это инструмент. Он использует её, чтобы удерживать власть, запугивать врагов и не позволять слабости разрушить империю. Он вырос среди войн, предательств и заговоров. Его научили: если ты не контролируешь людей, они обязательно попытаются контролировать тебя.

Поэтому он не доверяет покорным.

Покорность, по его мнению, всегда притворна.

А сопротивление честнее.

София пока не знает этого, но Цезарь уже заинтересован не в её красоте и не в титуле. Его зацепило другое: она бросилась под лапы дракона, хотя понимала, что может погибнуть. И Орион выбрал её.

Цезарь хочет понять почему.

Он привык считать всё загадочное угрозой. А София — загадка, которую он намерен разгадать, даже если для этого придётся сломать её защиту.

Он ведёт её во дворец.

София старается запоминать дорогу.

Три поворота после внутреннего двора. Длинная галерея с высокими окнами. Две лестницы, ведущие вниз. Двери из тёмного дерева, украшенные золотыми изображениями драконов.

Она не знает, пригодятся ли эти сведения. Но память — единственное оружие, которое пока у неё осталось.

Наконец Цезарь приводит её в купальню.

Помещение напоминает огромный мраморный амфитеатр. В центре находится круглый бассейн, наполненный горячей водой. По ступеням стекают тонкие водопады. Белые колонны поддерживают высокий купол, расписанный золотыми драконами. В воздухе пахнет травами, камнем и чем-то терпким, смолистым.

София останавливается у входа.

— Зачем вы привели меня сюда?

— Ты покрыта пеплом, кровью и грязью.

— Я сама могу помыться.

— Я не сомневаюсь в твоей способности пользоваться водой.

Он отпускает её запястье и смотрит на её платье.

— Сними его.

— Нет.

Внутри София сжимается от страха, но лицо сохраняет спокойствие.

Она не может позволить ему увидеть, насколько ей страшно. Цезарь должен думать, что перед ним гордая принцесса, раздражённая унижением, но не сломленная.

— Ты всё ещё не поняла, что больше не распоряжаешься собой, — произносит он.

— Я всё прекрасно поняла.

— Тогда почему продолжаешь спорить?

— Потому что вы не сможете заставить меня хотеть этого.

В серых глазах Цезаря появляется тёмный отблеск.

— Желание не имеет значения.

— Для вас — возможно.

София ожидает гнева, но Цезарь лишь медленно усмехается.

— Ты говоришь так, будто знаешь меня.

— Мне достаточно увидеть, что вы делаете с людьми.

Он снимает с себя плащ, затем распускает застёжку на тунике. Тёмная ткань соскальзывает с плеч и падает на мраморную скамью.

София невольно смотрит на его грудь.

Цезарь замечает.

— Нравится?

Она тут же отводит взгляд.

— Мне противно.

— Ты смотришь слишком внимательно для отвращения.

— Я рассматривала ваши шрамы.

— Это не ответ.

— Вы не заслужили ответа.

Цезарь погружается в бассейн, оставляя одежду на краю. Вода доходит ему до груди, но шрамы всё ещё видны — белые, неровные, некоторые настолько глубокие, что София понимает: их оставил не человек.

— Возьми губку, — говорит он.

— Я не служанка.

— Нет. Ты ценнее служанки.

— Вы хотели сказать «дороже».

— Я сказал то, что хотел.

Он кивает на деревянную чашу.

София не двигается.

Цезарь смотрит на неё без спешки. Не угрожает, не повышает голоса. Именно это пугает сильнее всего. Его спокойствие говорит о том, что он привык получать желаемое без борьбы.

София подходит к чаше.

Если она откажется, он может применить силу. Если уступит, сохранит возможность наблюдать за ним и дворцом.

Она берёт губку.

— Только не касайтесь меня без разрешения.

— Ты ставишь условия?

— Я предупреждаю.

— А если я нарушу?

— Тогда вы узнаете, как выглядит неповиновение.

Цезарь протягивает руку.

София начинает мыть его плечи. Движения осторожные, лицо бесстрастное. Она старается не думать о том, что находится слишком близко к человеку, который сжёг её город и забрал её жизнь.

— Почему ты спасла ту девушку? — спрашивает Цезарь.

— Потому что она была в опасности.

— Ты могла погибнуть.

— Могла.

— И всё равно пошла.

— Да.

— Глупость.

— Или сострадание.

— Сострадание мешает выжить.

София проводит губкой по его груди, избегая шрамов.

— Тогда почему вы не позволили дракону убить меня?

Цезарь смотрит на неё.

— Это сделал Орион.

— Но он ваш дракон.
— Он не подчиняется мне во всём.
— Значит, вы не так всемогущи, как хотите казаться.
Уголок его губ дрогнул.
— Осторожнее, Лиана.
Чужое имя больно режет слух.
София продолжает работу, но губка едва не выскальзывает из пальцев.
Цезарь замечает её заминку.
— Тебе не нравится, когда я так тебя называю?
София заставляет себя поднять глаза.
— Это моё имя.
— Тогда почему ты каждый раз выглядишь так, будто слышишь его впервые?
Сердце ударяет слишком сильно.
Она не должна ошибаться.
Не должна забывать, что теперь она Лиана.
— Я устала, — отвечает София. — Меня сожгли вместе с городом, привезли сюда в клетке и надели ошейник. Простите, если я не выгляжу счастливой, услышав собственное имя.
Цезарь молчит.
Он наблюдает за ней слишком внимательно.
София понимает: роль нужно играть не только словами. Она должна позволить себе быть Лианой — избалованной, гордой, напуганной принцессой, которая скрывает страх за резкостью.
Но нельзя быть слишком смелой.
И нельзя быть слишком слабой.
Любая крайность выдаст её.
Цезарь поднимает руку и проводит пальцами по её щеке. На коже осталась тонкая полоса сажи.
София отстраняется.
— Я попросила не трогать меня.
— А я не обещал.
— Вы хотите, чтобы я боялась?
— Я хочу, чтобы ты не забывала, кто здесь имеет власть.
— Вы постоянно об этом напоминаете.
Он касается её подбородка и заставляет посмотреть на себя.
София видит своё отражение в его серых глазах: бледное лицо, спутанные волосы, ошейник на шее.
Цезарь наклоняется и целует её.
Поцелуй короткий, властный, навязанный.
София мгновенно упирается ладонями ему в грудь. Цезарь отступает, но её запястье снова оказывается в его руке.
— Не смейте, — выдыхает она.
— Ты могла укусить.
— В следующий раз укушу.
— Значит, будет следующий раз?
— Нет.
— Ты так уверенно говоришь о будущем.
— Я уверенно говорю о своих желаниях.
На этот раз Цезарь отпускает её.

София отходит на несколько шагов и старается восстановить дыхание. Губы всё ещё горят от его прикосновения, но она запрещает себе думать об этом иначе, чем как о нарушении.

Никакого смущения.

Никакого интереса.

Только злость.

Только память.

Её зовут София.

Она дочь Мариэль.

Она не Лиана, как бы часто Цезарь ни произносил это имя.

Взгляд принца опускается на её руку.

— У тебя старые шрамы.

— У каждого есть прошлое.

— Моё прошлое я предпочитаю видеть.

Он берёт её за запястье, прежде чем она успевает отступить. Магия вспыхивает вокруг его пальцев — тёмно-золотая, густая, похожая на жидкий металл.

София пытается вырваться.

— Не надо.

— Почему?

— Потому что я не просила.

Цезарь задерживает взгляд на её лице.

На мгновение в нём появляется что-то похожее на сомнение, но оно исчезает слишком быстро.

— У моей собственности должно быть всё идеально.

Сила входит под кожу.

Старый шрам на запястье бледнеет, исчезает. След на предплечье затягивается. Цезарь проводит ладонью над её ключицей, и последний рубец растворяется в золотом сиянии.

София смотрит на чистую кожу.

Когда-то эти шрамы оставил отец.

Не ударом.

Безразличием.

В тот день Мариэль пыталась подняться с постели, чтобы встретить Эдгара у ворот. Она упала на каменные ступени, а София, ещё ребёнок, не смогла удержать её. Именно тогда на руке остался первый след.

Цезарь не знает этого.

Для него шрамы — недостаток.

Для Софии — доказательство того, что она выжила.

— Вы не сделали меня идеальной, — говорит она. — Вы просто стерли то, что напоминало мне о прошлом.

— Значит, прошлое больше не имеет над тобой власти.

— Вы ошибаетесь.

— Я редко ошибаюсь.

— Тогда это будет исключение.

Цезарь изучает её лицо.

— Ты странная, Лиана.

София заставляет себя улыбнуться.

— Вы уже говорили.

— Я говорил, что ты упрямая.

— Это не одно и то же.

— Нет. Странность опаснее.

Он выходит из воды и берёт полотенце. Капли стекают по его груди, по шрамам и мускулам. София отворачивается, но Цезарь замечает движение.

— Ты боишься меня?

— Да.

Ответ вырывается слишком честно.

Цезарь замирает.

София понимает ошибку и тут же добавляет:

— Но страх не означает подчинение.

На его лице появляется удовлетворение, словно именно такой ответ он и хотел услышать.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Я не хочу, чтобы ты была пустой.

— Вам нужна живая игрушка?

— Мне нужна та, кого выбрал Орион.

— Это не делает меня вашей.

Цезарь надевает тунику и застёгивает ремень.

— На арене ты была одной из тринадцати. Теперь ты единственная.

— Я не просила становиться единственной.

— Просьбы рабынь ничего не меняют.

София снова чувствует холод металла на шее.

Она не знает, что для Цезаря её сопротивление уже стало личным вызовом. Он хочет не просто владеть ею — хочет добиться, чтобы она сама признала его власть. Не потому, что ему нужна её любовь, а потому, что Цезарь не выносит незавершённости.

Всё, что он выбирает, должно принадлежать ему целиком.

Даже если для этого придётся разрушить человека, который отказывается склонить голову.

Он направляется к выходу.

— Где ты будешь? — спрашивает София, хотя знает ответ.

— На банкете.

— А я?

— В моей спальне.

София не двигается.

— Я не стану ждать вас.

Цезарь оборачивается.

— Станешь.

— Нет.

— Ошейник заставит.

Она поднимает подбородок.

— Возможно. Но он не заставит меня хотеть вас.

Взгляд Цезаря становится тяжёлым.

— Желание меня не интересует.

— Тогда чего вы хотите?

Он подходит к ней, но на этот раз не касается.

— Чтобы к моему возвращению ты была там.

— А если нет?

— Тогда я сам найду тебя.

София смотрит на него с ненавистью.

— Вы сожгли мой город.

— Я завоевал его.

— Люди погибли.
— Война всегда требует платы.
— И вы называете это правом?
— Я называю это порядком.

В этом и заключается его убеждённость: Цезарь считает себя не чудовищем, а правителем, который делает необходимое. Он не видит в себе злодея. Он видит человека, удерживающего мир от хаоса, даже если этот мир держится на страхе, рабстве и огне.

София понимает: спорить с такой уверенностью бесполезно.

Поэтому она делает шаг назад и склоняет голову.

Совсем немного.

Ровно настолько, чтобы он поверил в начало покорности.

— Как прикажете, мой принц.

Цезарь внимательно смотрит на неё.

— Вот теперь ты учишься.

София не поднимает головы, пока он не выходит.

Только когда тяжёлая дверь закрывается, она позволяет себе сжать кулаки.

В купальне снова становится тихо.

Она касается ошейника.

Потом — кожи на запястье, где больше нет старого шрама.

Цезарь стёр след её прошлого.

Но он не знает главного.

Он выбрал не Лиану.

Он выбрал Софию.

И если ей придётся прожить под чужим именем, чтобы выжить, она проживёт.

Если понадобится улыбаться, она будет улыбаться.

Если понадобится склонять голову, она склонит её.

Но однажды Цезарь поймёт, что привёл во дворец не покорную принцессу, а женщину, которая умеет ждать.

София выходит из купальни и направляется в спальню.

Не потому, что подчинилась.

Потому что ей нужно время.

Глава 3. Омут страсти.

Цезарь пришёл после полуночи.

София услышала его шаги ещё в коридоре — ровные, неторопливые, узнаваемые. Стража у двери расступилась, замок щёлкнул, и через мгновение он вошёл в спальню.

Она стояла у окна, глядя на ночное королевство.

Город мерцал россыпью огней. На башнях горели сигнальные факелы, над крышами медленно скользили драконы, а за стеклом клубился холодный туман. София пыталась думать о чём угодно, только не о том, что сейчас останется с ним наедине.

Не получалось.

Она знала, зачем он пришёл.

Цезарь не скрывал своего интереса к Лиане — к дочери короля, к побеждённой принцессе, которую ему отдали вместе с мирным договором. Он смотрел на Софию и видел её сестру.

Не Софию.

От этого внутри всё сжималось.

— Ты не спишь, — сказал он.

София не обернулась.

— Вы велели ждать.

— Я велел тебе прийти в мои покои. Не велел стоять у окна до рассвета.

— Я предпочитаю окна постели.

— Я заметил.

Его голос звучал спокойно, но в нём ощущалось напряжение. София слышала, как он снял плащ. Ткань мягко шуршала, затем раздался стук бокала о край стола.

Она медленно повернулась.

Цезарь стоял возле камина. На нём была чёрная рубашка с расстёгнутым воротом. Тёплый свет подчёркивал линию его плеч, изгиб шеи и тёмные следы старых шрамов у ключицы. Волосы растрепались, на лице ещё оставалась усталость после долгого банкета, но взгляд был ясным и внимательным.

Он смотрел на неё так, будто весь вечер ждал именно этой встречи.

— Ты злишься, — сказал Цезарь.

— Это запрещено?

— Нет. Пока злость не превращается в глупость.

— А если превращается?

— Тогда я постараюсь тебя остановить.

София усмехнулась.

— Вы всё говорите так, будто это забота.

— Я не говорил, что забочусь.

Он оттолкнулся от камина и сделал шаг к ней.

София не отступила, хотя сердце сразу забилося чаще.

Цезарь остановился в нескольких шагах.

— Можно подойти?

Вопрос застал её врасплох. Она ожидала приказа, насмешки или самоуверенного движения. Но он ждал ответа.

Ей следовало сказать «нет».

Следовало сохранить холодность, напомнить себе о сожжённом доме, о матери, о том, что мужчина перед ней — враг её народа.

Но от одного его взгляда тело предательски становилось мягче.

— Подойдите, — произнесла она.

Цезарь приблизился.

Медленно. Так, чтобы она видела каждое его движение и могла остановить его в любой момент.

Он поднял руку и замер, не касаясь.

— Можно?

София кивнула.

Его пальцы легли ей на щеку.

Тёплые, сильные, чуть шершавые. Большой палец скользнул по скуле, задержался у виска. Простое прикосновение отозвалось в ней дрожью — сначала едва заметной, затем всё более явной. София почувствовала, как напряглись плечи, как сбилось дыхание.

Цезарь заметил.

— Ты дрожишь.

— Вы слишком высокого мнения о своей привлекательности.

— Я не сказал, что причина во мне.

— Но подумали.

— Да.

Эта спокойная честность заставила её поднять взгляд.

Цезарь смотрел на неё открыто. В его глазах не было насмешки. Только желание — сдержанное, глубокое, от которого становилось жарко даже там, где его пальцы не касались кожи.

Он провёл ладонью к её затылку.

— Если передумаешь, скажи.

— Вы всегда так много спрашиваете?

— Только когда мне важно услышать ответ.

София хотела спросить, почему ему важно.

Не успела.

Цезарь наклонился и поцеловал её.

Сначала легко, едва касаясь губ. Этот поцелуй был почти невесомым — пробным, осторожным, оставляющим ей выбор. София ощутила тепло его дыхания, запах дыма и пряного вина. Его пальцы мягко удерживали её за затылок, но не позволяли себе лишнего давления.

Она могла отступить.

Вместо этого закрыла глаза.

Цезарь почувствовал её ответ и поцеловал снова.

На этот раз глубже.

Его губы двигались медленно, но настойчиво, и София сама подалась к нему. Ладони легли ему на грудь. Под тонкой тканью рубашки чувствовалось напряжённое тело, горячая кожа и неровный шрам, пересекавший ключицу.

У неё перехватило дыхание.

Цезарь чуть отстранился, давая ей вдохнуть, но не отпустил. Его лоб коснулся её лба.

— Всё хорошо?

София кивнула, не открывая глаз.

— Скажи.

— Да.

Он снова поцеловал её.

Теперь в этом движении было меньше осторожности и больше страсти. Цезарь провёл рукой по её спине, остановился на талии и притянул ближе — не заставляя, а позволяя ей самой решить, останется ли она рядом.

София осталась.

Её пальцы скользнули вверх, запутались в его волосах. Цезарь издал едва слышный звук, похожий на сдержанный вздох, и от этого внутри у неё всё перевернулось.

Она никогда не слышала его таким.

Никогда не видела, чтобы он терял привычный контроль.

София ответила на поцелуй горячее. Её губы двигались навстречу его губам, дыхание становилось прерывистым. От каждого касания по телу расходились волны тепла. Цезарь целовал её медленно, но всё глубже, словно хотел растянуть мгновение, запомнить её реакцию, заставить её забыть обо всём, кроме него.

Его губы скользнули к уголку её рта, ниже — по линии подбородка. Он коснулся шеи, и София невольно запрокинула голову.

Это всего лишь поцелуй.

Но тело не верило разуму.

От его дыхания кожа покрылась мурашками. Его ладонь на талии казалась слишком горячей даже сквозь ткань платья. София чувствовала, как в ней нарастает возбуждение — смущающее, почти болезненное в своей силе. Колени ослабли, и Цезарь крепче поддержал её.

Она прижалась к нему.

Сама.

Эта мысль отрезвила — но не сразу.

София ещё несколько секунд позволяла себе забыть. Позволяла губам отвечать, рукам касаться, сердцу биться так, будто перед ней не враг, а мужчина, к которому её тянуло вопреки всему.

Цезарь снова нашёл её губы.

Поцелуй стал жаднее. В нём слышалось его желание, его уверенность, его убеждённость в том, что перед ним Лиана — та самая принцесса, которую он выбрал среди пленниц.

Лиана.

Мысль вспыхнула внезапно.

София увидела сестру: её лицо, её имя, её место во дворце. Вспомнила мать, оставшуюся в разрушенном городе. Вспомнила, что Цезарь не знает правды и что для него она — совсем другая женщина.

Он целовал Софию, но желал Лиану.

Этого оказалось достаточно.

Она резко отстранилась и упёрлась ладонями ему в грудь.

— Нет.

Цезарь мгновенно остановился.

Не схватил её. Не потребовал объяснений. Просто убрал руки и позволил ей отойти.

София отвернулась, тяжело дыша. Губы всё ещё горели, на коже сохранялось тепло его прикосновений. Ей было стыдно не за страх — за то, что ей понравилось. За то, что на несколько минут она забыла, кто он и кем является сама.

— Что случилось? — спросил Цезарь.

— Ничего.

— Ты только что сказала «нет».

— Значит, случилось.

Он помолчал.

— Я сделал что-то, чего ты не хотела?

София закрыла глаза.

— Нет.

— Тогда почему остановилась?

Она медленно повернулась к нему.

Цезарь стоял напротив, всё ещё близко, но не прикасался. Его губы были чуть припухшими от поцелуев, дыхание оставалось тяжёлым. Он выглядел так же собранно, как всегда, но в серых глазах впервые проступила настоящая растерянность.

Он не понимал.

И не мог понять.

Потому что не знал, что перед ним не Лиана.

— Потому что вы видите во мне не меня, — сказала София.

Цезарь нахмурился.

— Я вижу тебя.

— Нет. Вы видите Лиану.

— Ты и есть Лиана.

Сердце болезненно сжалось.

— Да, — ответила она, заставляя себя улыбнуться. — Конечно.

Он подошёл на полшага, но остановился.

— Я не понимаю.

— В этом и проблема.

— Объясни.

София опустила взгляд. Если она посмотрит ему в глаза ещё раз, то может сказать правду. Может произнести своё имя, признаться, что он целовал не ту сестру, которую выбрал.

Но это было невозможно.

Слишком опасно.

— Вы хотите женщину, которую вам отдали, — сказала она. — Принцессу. Дочь короля. А я... я не могу забыть, что для вас должна быть ею каждую секунду.

— Мне не нужно, чтобы ты играла роль.

София едва заметно вздрогнула.

Он не знал, насколько точно попал.

— Всем мужчинам нравится, когда женщина играет ту роль, которую они для неё придумали.

— Я не все мужчины.

— Нет. Вы хуже.

В его глазах мелькнуло раздражение.

— И всё же ты отвечала на мои поцелуи.

София прижала пальцы к губам.

— Да.

— Тебе было неприятно?

— Нет.

Цезарь стал внимательнее.

— Тогда что?

София заставила себя выпрямиться.

— Мне понравилось. И я ненавижу себя за это.

Он ничего не сказал.

В комнате потрескивал огонь. За окнами далеко ударил колокол.

— Ты не обязана ненавидеть себя за желание, — произнёс Цезарь наконец.

— Вы не понимаете. Вы мой враг.

— Это не отменяет желания.

— А ваше желание обращено к Лиане.

Он замолчал.

София увидела, как его лицо стало жёстче.

— Ты ревнуешь к собственному имени?

— Вы не понимаете.

— Тогда дай мне понять.

Она почти рассмеялась от горечи.

Если бы ты знал, Цезарь. Если бы ты знал, кто стоит перед тобой, ты бы не просил меня объяснить.

— Сегодня я больше не могу, — сказала София.

— Я не стану тебя удерживать.

— Я знаю.

— Завтра ты снова позволишь мне подойти?

София посмотрела на него. Желание ещё не исчезло полностью. Оно жило в памяти тела — в жаре губ, в слабости колен, в ощущении его руки на талии.

И оттого ответ был особенно трудным.

— Не знаю.

Цезарь кивнул и отошёл к двери.

— Спокойной ночи, Лиана.

София закрыла глаза.

Чужое имя оказалось больнее, чем любой поцелуй.

— Спокойной ночи, Цезарь.

Он вышел.

Когда дверь закрылась, София медленно коснулась губ.

Они всё ещё помнили его.

Она тоже.

И это было ужаснее всего: страсть оказалась настоящей, но мужчина, которому она отвечала, любил не её — а женщину, чьё имя София украла, чтобы выжить.

Глава 4. Зеленое крыло.

На следующее утро София проснулась ещё до рассвета.

Она долго лежала неподвижно, глядя в тёмный потолок, и пыталась не вспоминать ночь. Не вспоминать губы Цезаря, его руки на талии, тепло дыхания у шеи и то, как легко она сама прижалась к нему.

Но память не подчинялась приказам.

Стоило закрыть глаза — и всё возвращалось.

София резко села на кровати.

— Проклятье.

Она провела ладонью по лицу и спустила ноги на холодный пол. В отражении высокого зеркала напротив мелькнула девушка с бледным лицом, растрёпанными волосами и слишком внимательными глазами.

Не София.

Лиана.

С самого первого дня она училась двигаться, говорить и смотреть так, как двигалась, говорила и смотрела сестра. Даже платье, приготовленное слугами, было частью чужой роли: светло-золотое, с тонкой вышивкой у корсажа и длинными рукавами, которые скрывали руки до запястий.

На шее темнел ошейник.

София коснулась его пальцами и тут же отдернула руку. Кожа под металлом была чувствительной, будто сама магия ошейника не позволяла забыть о его существовании.

За дверью послышался стук.

— Войдите.

В комнату вошли две служанки. Одна принесла таз с горячей водой, другая — поднос с завтраком. Они не смотрели Софии в глаза. Даже прислуживая принцессе, они помнили, что девушка была пленницей.

— Его высочество Цезарь приказал передать, что сегодня вы не покидаете дворец, — сказала старшая служанка.

— Я и не собиралась.

— Также он приказал подготовить для вас библиотеку и галерею.

— Как великодушно.

Служанка опустила взгляд.

София почти пожалела её. Почти.

— И ещё, — добавила женщина. — После полудня к вам прибудет его высочество Джулиан.

София нахмурилась.

— Джулиан?

— Младший брат принца Цезаря.

Имя ей уже приходилось слышать. В королевстве о Джулиане говорили иначе, чем о его старшем брате. Цезаря боялись. Джулиана любили.

Это настораживало.

Любовь толпы редко достаётся человеку случайно.

— Зачем он придёт?

— Насколько мне известно, желает поприветствовать вас.

— Он тоже принимает меня за Лиану?

Служанка на миг замерла.

— Все знают, что вы принцесса Лиана.

София заставила себя улыбнуться.

— Разумеется.

Когда служанки вышли, она села за стол и заставила себя съесть несколько кусочков хлеба. Внутри всё ещё жило беспокойство.

Цезарь ничего не сказал ей о брате.

Почему?

Если Джулиан был младше его, но при этом жил в том же дворце, наверняка они были близки. Или, наоборот, ненавидели друг друга.

София не знала, чего ожидать.

До полудня она успела побывать в библиотеке. Та занимала целое крыло дворца и была настолько огромной, что там легко можно было заблудиться. Стеллажи поднимались до самого потолка, между ними стояли лестницы на колёсах, а окна выходили в зимний сад.

София провела пальцами по корешкам книг.

История королевства. Драконьи династии. Искусство боевой магии. Ритуалы крови. Устройство королевских печатей.

Ничего о целительстве.

Ничего о древних заклинаниях, способных снять ошейник.

Она как раз рассматривала тяжёлый том в кожаном переплёте, когда услышала за спиной мужской голос:

— Если вы ищете способ сбежать, советую начать не с этих полок.

София резко обернулась.

На верхней площадке лестницы стоял молодой мужчина.

Он был совсем не похож на Цезаря.

Если старший принц казался вырезанным из тёмного камня, то Джулиан выглядел созданным из света. Длинные светлые волосы свободно падали ему на плечи и почти достигали талии. Несколько прядей были заплетены тонкими косичками, украшенными серебряными бусинами.

Его лицо казалось кукольно красивым: мягкие черты, безупречная кожа, светлые брови и яркие глаза цвета зелёного стекла. Он был ниже Цезаря и заметно худее, но в его стройности не было хрупкости. Под шелковым синим камзолом угадывалась выносливая, гибкая фигура.

Он спустился по лестнице легко, почти лениво.

— Вы Джулиан, — сказала София.

— А вы Лиана.

Его улыбка была ослепительной.

Слишком ослепительной.

— Это уже всем известно.

— В этом дворце новости распространяются быстрее огня. Особенно, если они связаны с красивой женщиной, появившейся на арене.

— Вы тоже были там?

— Разумеется. Я пропустил бы пир, но не стал бы пропускать драму.

Он остановился рядом, не вторгаясь в её пространство. От него пахло свежей мятой и чем-то цветочным, совсем не так, как от Цезаря.

— Вы нашли что-нибудь интересное?

— Пока нет.

— Вы ищете что-то конкретное?

— Книгу.

— Какую?

— О целительстве.

— Тогда вы в неправильном крыле.

— Я уже поняла.

— Разрешите мне показать дорогу.

Он протянул руку, но София не вложила в неё свою.

Джулиан ничуть не смутился.

— Вы осторожны, — сказал он.

— В вашем дворце это полезное качество.

— Особенно рядом с моим братом.

В его голосе прозвучала насмешка.

София внимательно посмотрела на него.

— Вы плохо о нём говорите?

— Я говорю о нём правду. Это не всегда одно и то же.

— Цезарь знает, что вы так думаете?

— Надеюсь. Иначе наши отношения были бы скучными.

Джулиан развернулся и направился между стеллажами. Через несколько шагов оглянулся.

— Вы идёте?

София последовала за ним.

Он двигался легко, небрежно, но она заметила: ни один шаг не был случайным. Джулиан то замедлялся, чтобы она поравнялась с ним, то сворачивал в узкие проходы, где им приходилось идти почти плечом к плечу.

— Ваш брат часто отправляет вас развлекать пленниц? — спросила она.

— Только самых опасных.

— Я опасна?

— Вы исцелили раненого на арене, хотя знали, что за это можете поплатиться. Затем позволили моему брату надеть на вас ошейник и всё равно не стали ему кланяться. Да, я считаю вас опасной.

— Вы говорите так, будто это комплимент.

— Для меня — да.

Они вышли в другое помещение. Здесь стены были покрыты фресками, а потолок открывался прямо в стеклянный купол. Вдоль стен стояли шкафы с узкими ящиками.

Джулиан подошёл к одному из них и достал тонкую книгу.

— Целительская магия времён Первой династии. Не слишком полезная, но красиво написанная.

София взяла книгу.

— Вы читали её?

— Я читаю всё, что может помочь мне пережить семейные обеды.

— Значит, вы умны.

— Иногда.

— А в остальное время?

— Очарователен.

София не удержалась от улыбки.

Джулиан заметил.

Его взгляд задержался на её губах всего на мгновение, но этого хватило. Улыбка не исчезла, однако в его глазах возникло что-то иное — тёплое, внимательное, оценивающее.

Он уже решил, что она ему нравится.

София ещё не понимала, что вместе с этим он уже начал строить планы.

Джулиан пригласил её в зимний сад.

Это произошло настолько естественно, что София не сразу поняла: он ведёт её именно туда, куда хотел привести с самого начала.

— Здесь красивее, чем в библиотеке, — сказал он, распахивая стеклянные двери.

Влажное тепло окутало Софию. В зимнем саду росли растения, которых она никогда не видела: деревья с серебряными листьями, цветы с полупрозрачными лепестками, длинные лианы, испускавшие слабое голубое сияние.

В центре сада находился круглый пруд. Над водой плавали белые огоньки, похожие на крошечных светлячков.

— Вы сами его создали? — спросила София.

— Большую часть.

— Вы занимаетесь садоводством?

— Я занимаюсь всем, что не связано с управлением государством и войной.

— Значит, вы не хотите стать следующим королём?

Джулиан посмотрел на неё с лёгкой улыбкой.

— Я никогда не говорю, чего хочу.

— Почему?

— Потому что люди начинают использовать это против меня.

Он произнёс это шутливым тоном, но София услышала правду.

Джулиан был обаятелен, разговорчив и вежлив, однако, за лёгкостью скрывалась осторожность. Он говорил много, но почти ничего о себе. Задавал ей вопросы, заставляя рассказывать о детстве, вкусах, привычках, страхах.

София отвечала неохотно.

К счастью, Джулиан умел делать вид, что не замечает уклончивости.

— Цезарь сказал, что вы любите музыку, — заметил он, когда они остановились возле цветущего дерева.

— Он сказал это?

— Он много говорил о вас.

София ощутила неприятное напряжение.

— Что именно?

— Что вы упрямая, но не безрассудная. Что умеете лечить. Что вас трудно напугать. И что вы слишком часто смотрите на людей так, будто ищете в них скрытый кинжал.

— Возможно, это полезная привычка.

— В семье моего брата — несомненно.

— А что ещё он сказал?

Джулиан повернулся к ней.

— Он сказал, что вы красивая.

София замерла.

— Цезарь сказал?

— Нет. Это сказал я.

Он улыбнулся так безупречно, что любой другой человек мог бы решить: комплимент был сделан невинно.

Но София заметила, как его взгляд прошёлся по её лицу, по шее, по линии плеч.

— Вы быстро переходите к откровенности.

— Я предпочитаю не тратить время на очевидное.

— А если женщине неприятно это слышать?

— Тогда она скажет мне.

— И вы остановитесь?

— Временно.

София взглянула на него с притворным неодобрением.

Джулиан рассмеялся.

— Не пугайтесь. Я не настолько безрассуден, чтобы раздражать принцессу, которую мой брат считает своей драгоценной добычей.

— Цезарь не считает меня добычей.

— Вы слишком хорошо о нём думаете.

— А вы?

— Я думаю о нём хуже. Это помогает мне оставаться приятным.

Он протянул ей руку.

На этот раз София позволила ему коснуться её пальцев.

Джулиан поднёс её руку к губам и едва заметно коснулся костяшек.

Жест был старомодным, почти церемонным. Но его губы задержались чуть дольше, чем требовали приличия.

София мягко высвободила руку.

— Вы всегда так приветствуете новых знакомых?

— Только тех, с кем хочу подружиться.

— А если не хотите?

— Тогда я целую их руку гораздо короче.

Она снова улыбнулась.

Джулиан почувствовал удовлетворение.

Он уже понял, что София не привыкла к подобным играм. Она сопротивлялась компли-
ментам, но не отстранялась сразу. Старалась казаться холоднее, чем была на самом деле. В её
взгляде он видел не только настороженность, но и любопытство.

Ему это нравилось.

София была красивой, умной и несчастной — сочетание, перед которым Джулиан нико-
гда не умел устоять.

Разумеется, он не собирался торопиться.

Женщины охотнее открывали двери тем, кто сначала стучал мягко.

К вечеру Джулиан успел показать Софии половину дворца.

Он познакомил её с придворным музыкантом, который играл на инструменте из белого
дерева. Провёл в галерею, где хранились портреты правителей Ориона. Показал зал с фонта-
ном, вода в котором поднималась вверх и зависала под потолком прозрачными серебряными
шарами.

Он говорил легко, шутил, рассказывал истории о придворных, но ни разу не упомянул,
что София пленница.

Он обращался с ней как с гостьей.

Это было непривычно.

Рядом с ним она могла дышать свободнее.

Именно поэтому она не заметила, как расслабилась.

— Почему вы не боитесь меня? — спросила София, когда они остановились на открытой
террасе.

— А должен?

— Вы младший брат человека, которого боится весь дворец.

— Цезарь не пугает меня.

— Он может вас убить.

— Он может убить кого угодно.

— Даже вас?

— Особенно меня.

Джулиан опёрся локтями о каменные перила.

— Мы с ним слишком похожи, чтобы доверять друг другу, и слишком разные, чтобы спокойно жить рядом.

— В чём же вы похожи?

— Мы оба хотим получить всё, что считаем своим.

София повернула голову.

— А что вы считаете своим?

Джулиан посмотрел на неё.

На этот раз улыбка не коснулась его глаз.

— Пока не решил.

Вдалеке раздался оглушительный рёв.

София вздрогнула.

Из-за башен поднялось огромное зелёное существо.

Дракон был настолько велик, что сначала она увидела только крыло — широкое, как парус корабля. Затем показалась длинная шея, рогатая голова и хвост, рассекающий облака.

Чешуя Вайпера отливала несколькими оттенками зелёного: от тёмного мха до ядовитого нефрита. На груди и горле располагались более светлые пластины, а между рогами мерцали тонкие золотые линии.

Он сделал круг над дворцом и опустился на дальнюю площадку.

Камень под ногами задрожал.

— Он огромный, — прошептала София.

— Это он ещё старается не напугать вас.

— Драконы умеют стараться?

— Вайпер — нет. Он просто любит производить впечатление.

Джулиан спустился с террасы по каменной лестнице. София последовала за ним, хотя стражники попытались остановить её.

— Его высочество приказал сопровождать принцессу, — сказал один из них.

— Тогда сопровождайте, — бросил Джулиан. — Только не мешайте.

Вайпер стоял на площадке, сложив крылья. Его зелёные глаза внимательно следили за людьми. От дракона исходила такая мощь, что София ощутила магию ещё до того, как подошла ближе.

Она была вязкой, горячей и глубокой, будто под чешуёй спало подземное пламя.

— Он не любит чужих, — сказал Джулиан.

— Тогда зачем вы привели меня?

— Потому что мне любопытно, понравится ли вы ему.

— А если нет?

— Придётся придумать другой повод снова пригласить вас.

София бросила на него взгляд.

Джулиан улыбнулся и подошёл к дракону.

Вайпер опустил голову. Джулиан положил ладонь ему на морду и что-то прошептал на древнем языке. Дракон ответил низким рокотом.

Затем Джулиан повернулся к Софии.

— Подойдите.

— Вы только что сказали, что он не любит чужих.

— Я также сказал, что он любит производить впечатление.

— Это не успокаивает.

— Я буду рядом.

Он протянул ей руку.

София колебалась.

Джулиан не торопил её. В отличие от Цезаря, он не казался человеком, от которого исходила угроза. Но София уже знала: самая опасная змея не всегда шипит.

Она вложила пальцы в его ладонь.

Джулиан сжал их мягко и повёл к Вайперу.

Дракон наклонился ниже.

Его дыхание оказалось горячим и влажным. София почувствовала запах зелёного камня, дождя и чего-то металлического.

Вайпер вытянул шею и приблизил морду к её лицу.

София замерла.

— Не двигайтесь, — тихо произнёс Джулиан. — Он запоминает запах.

— Это должно меня успокоить?

— Нет. Но звучит впечатляюще.

София едва не рассмеялась от нервозности.

Вайпер коснулся её лба кончиком морды.

Внутри Софии вспыхнула магия.

Она увидела зелёные крылья над горами, тёмные леса, каменные ущелья и бескрайнее небо. Вайпер был не просто зверем — он был древней силой, в которой смешались одиночество, голод и свобода.

Дракон отстранился и тихо зарычал.

Джулиан внимательно посмотрел на него.

— Что он сказал? — спросила София.

— Что вы пахнете страхом, пеплом и ложью.

София выдернула руку.

Джулиан поймал её взгляд.

— Это была шутка.

— У драконов нет слов.

— У этого есть.

Он наклонился к ней.

— Вайпер сказал, что вы ему понравились.

София посмотрела на дракона.

Тот закрыл один глаз и издал низкий гортанный звук, похожий на довольное мурлыканье.

— Он действительно так сказал?

— Нет.

— Джулиан.

— Но ему понравились вы.

— Откуда вы знаете?

— Он не откусил вам голову.

— Очень убедительный критерий.

— Я старался.

Вайпер фыркнул, выпустив струю пара. Джулиан засмеялся и отступил, прикрывая лицо рукой.

София рассмеялась тоже.

Это случилось неожиданно.

Она не помнила, когда в последний раз смеялась искренне. Не из вежливости, не чтобы скрыть страх, не потому, что от неё этого ждали.

Джулиан смотрел на неё и понимал, что сделал первый шаг.

Ему нравился её смех.

Ему нравилось, что рядом с ним она становилась мягче.

А ещё ему нравилось, что рядом с Цезарем она такой не была.

За ужином Джулиан сел рядом с ней.

Цезарь уже находился во главе стола и разговаривал с командующим северной армией. Он не сказал ни слова, когда его брат занял место справа от Софии, но его взгляд стал заметно холоднее.

Джулиан заметил.

И улыбнулся.

— Я надеюсь, вы не против моего общества, принцесса, — сказал он, накладывая ей на тарелку запечённые овощи.

— Вы не спрашивали разрешения.

— Вы можете попросить меня уйти.

— Могу.

— Но не просите.

— Пока.

— Я умею ждать.

Цезарь поднял взгляд от бокала.

— Джулиан.

— Брат.

— Не отвлекай принцессу.

— Мы разговариваем.

— Ты разговариваешь слишком много.

— А Лиана достаточно умна, чтобы не отвечать на всё, что я говорю.

София взяла бокал с водой.

— Не уверена, что это комплимент.

— Это восхищение.

Цезарь поставил бокал на стол.

— Лиана, тебе не обязательно терпеть его.

Джулиан положил руку на сердце.

— Как жестоко. Я ведь только начал нравиться ей.

София заметила, как в глазах Цезаря промелькнуло раздражение.

Это было почти приятно.

Почти.

— Джулиан показал мне зимний сад, — сказала она. — И библиотеку.

— Он показывал вам что-нибудь полезное? — спросил Цезарь.

— Книгу о целительстве.

— Он не читал её.

— Неправда, — возразил Джулиан. — Я читал первые три страницы.

— И что узнал? — спросила София.

— Что люди умирают, если их неправильно лечить.

— Поразительное открытие.

— Я обладаю редкой глубиной.

Цезарь посмотрел на него с откровенным недоверием.

Джулиан ответил ему ленивой улыбкой.

Между братьями проходило что-то невидимое. Не просто соперничество. Они знали друг друга слишком хорошо. Каждый понимал, когда другой лжёт, когда уклоняется и когда притворяется беззаботным.

София вдруг почувствовала себя между двумя хищниками.

Только один из них показывал клыки.

Второй улыбался.

— Вайпер позволил мне прикоснуться к нему, — сказала она, чтобы сменить тему.

Цезарь сразу посмотрел на неё.

— Ты подходила к Вайперу?

— Джулиан был рядом.

— Это не ответ.

— Он разрешил.

Цезарь перевёл взгляд на брата.

— Ты привёл её к дракону?

— Я привёл принцессу к своему дракону. Вайпер не возражал.

— Он мог убить её.

— Он мог убить меня. Но почему-то не стал.

— Ты безрассуден.

— Ты просто завидуешь, что мой дракон любит общество.

— Мой дракон не нуждается в обществе.

— Твой дракон похож на тебя.

— Именно поэтому он лучше твоего.

— А Вайпер красивее.

София посмотрела на Цезаря.

— У вас тоже есть дракон?

— У него есть Ноктис, — ответил за него Джулиан. — Чёрный, как дурное предзнаменование, и почти такой же молчаливый.

— Он не молчит, — сказал Цезарь. — Он просто не тратит время на пустые звуки.

— Вот видите? Я говорил, что они похожи.

София снова улыбнулась.

На этот раз Цезарь заметил.

Его взгляд задержался на её лице, и улыбка сама собой исчезла с её губ. Она вспомнила прошедшую ночь — и то, как утром не могла спокойно смотреть на собственное отражение.

Джулиан тем временем наклонился к ней.

— Вы должны увидеть Вайпера в полёте, — сказал он тихо. — На рассвете он особенно красив.

— Вы приглашаете меня?

— Разумеется.

— А если я откажусь?

— Тогда я буду вынужден явиться к вам завтра и пригласить снова.

— Вы слишком настойчивы.

— Я предпочитаю слово «последователен».

— А если я снова откажусь?

— Значит, приду послезавтра.

София покачала головой.

— Вы невыносимы.

— Но уже не скучны.

Он произнёс это с такой обезоруживающей улыбкой, что она не смогла не ответить.

Цезарь наблюдал за ними.

Джулиан заметил и откинулся на спинку стула, довольный собой.

На следующий день Джулиан пришёл к Софии сразу после рассвета.

Он не стал ждать разрешения стражи. Просто появился у двери, одетый в тёмно-зелёный костюм для верховой езды. Длинные волосы были собраны на затылке, но несколько светлых прядей выбились и падали ему на лицо.

— Вы рано, — сказала София.

— Вы поздно.

- Сейчас только шестой час.
- Именно. Вайпер считает, что это уже почти день.
- Вайпер умеет читать часы?
- Нет, но он громко выражает мнение о тех, кто не умеет.
- София надела плащ поверх платья.
- Куда мы пойдём?
- На восточную площадку.
- Цезарь знает?
- Если узнает, обязательно скажет, что я поступил безрассудно.
- А вы?
- Скажу, что он завидует.
- Вы всегда так разговариваете с братом?
- Только когда хочу остаться в живых.

Он повёл её через внутренний двор.

Утренний город казался совсем другим. Дворец просыпался медленно: слуги открывали ставни, стражники менялись на постах, в конюшнях ржали лошади.

Вайпер ждал на площадке.

В дневном свете он оказался ещё более впечатляющим. Чешуя блестела, словно отполированный нефрит. Огромные крылья были покрыты тонкими светлыми прожилками, а на рогах виднелись следы старых сражений.

- Он выглядит опаснее, чем вчера, — сказала София.
- Вчера он старался произвести хорошее впечатление.
- А сегодня?
- Сегодня он уже знает, что вы никуда не денетесь.
- Это он так думает?
- Нет, это я так думаю.

Джулиан поднялся на спину дракона и протянул ей руку.

— Вы полетите со мной.

София посмотрела на него.

- Я?
- Вы боитесь?
- Нет.
- Тогда поднимайтесь.

Его ладонь была крепкой и тёплой. Джулиан подтянул её на спину Вайпера, усадив впереди себя. София оказалась между шеей дракона и грудью принца.

Ей пришлось держаться за выступ на чешуе.

- Лучше держитесь за меня, — посоветовал Джулиан.
- Я не хочу причинять вам неудобства.
- Вы не причините.
- Это не значит, что я соглашусь.
- Я буду ждать.

Вайпер расправил крылья.

Порыв воздуха едва не сбил Софию с ног. Она инстинктивно ухватилась за руку Джулиана.

Он обнял её сзади, одной рукой закрепляя наездницу у себя перед грудью, другой отдавая Вайперу приказ.

Дракон прыгнул.

На мгновение у Софии перехватило дыхание. Затем земля рухнула вниз, дворец уменьшился, а перед ними распахнулось небо.

Вайпер летел почти бесшумно. Его крылья медленно рассекали воздух, и каждый взмах подбрасывал их выше. София видела горы, леса, серебряные реки и далёкие деревни.

Джулиан держал её крепко, но бережно.

Его грудь касалась её спины. Тёплое дыхание обжигало волосы. Иногда он наклонялся, чтобы сказать что-то ей на ухо, и его губы почти касались кожи.

— Не смотрите вниз, если боитесь высоты.

— Я не боюсь.

— Тогда почему так сильно держитесь за меня?

София поняла, что пальцы сжались на его рукаве.

— Потому что вы мешаете мне упасть.

— Я очень рад быть полезным.

— Не привыкайте.

— Слишком поздно.

Она повернула голову.

Джулиан улыбался.

Его лицо оказалось совсем близко. Ветер трепал длинные светлые волосы, глаза сияли, а губы были изогнуты в той самой улыбке, от которой ему прощали почти всё.

София вдруг подумала, что его легко представить на страницах старинной книги: прекрасный принц, который появляется из тумана, обещает свободу и улыбается так, будто держит в рукаве судьбу целого королевства.

Но за этой красотой скрывалась хитрость.

София чувствовала её.

Не видела, но чувствовала.

— Вы всегда так смотрите на людей? — спросила она.

— Как?

— Будто уже знаете, что они сделают.

— Только если человек интересный.

— А если неинтересный?

— Тогда я смотрю на него честно.

— И как?

— Скучаю.

София фыркнула.

— Вы самодовольны.

— Мне часто это говорят.

— И никто не пытался вас исправить?

— Пытались. В основном Цезарь.

— Безуспешно?

— Как видите.

Он наклонился ближе.

— А вы собираетесь попробовать?

— Я едва вас знаю.

— Это легко исправить.

Он произнёс это почти шёпотом, и слова прозвучали двусмысленно.

София почувствовала, как его рука чуть сильнее сомкнулась вокруг её талии. В этом жесте не было грубости, только намёк — осторожный, проверяющий её реакцию.

Она не отстранилась.

Но и не повернулась к нему.

Джулиан улыбнулся, ощутив её колебание.

Он не собирался торопиться. Ему нравились игры, а эта обещала быть особенно интересной.

девушка была не похожа на придворных дам королевства. Она не таяла от одного комплимента, не пыталась завоевать его внимание и не смотрела на него с привычным восхищением.

Но она реагировала.

На его голос.

На прикосновения.

На близость.

Джулиан не сомневался: рано или поздно она окажется в его постели.

Он не считал это жестокостью. Не считал даже обманом. В его мире люди желали друг друга, скрывали намерения, заключали союзы и разрушали их. Если «Лиана» позволяла ему надеяться, он имел право надеяться.

А если она сама однажды попросит его остаться?

Тем лучше.

После полёта Джулиан привёл Софию в небольшую охотничью беседку в лесу.

Там уже был накрыт завтрак: свежий хлеб, сыр, ягоды, горячий чай и сладкие пироги.

— Вы подготовили всё заранее, — заметила София.

— Я предусмотрительный.

— Хитрый.

— Это тоже.

— Вы не боитесь, что я расскажу Цезарю?

— Что именно? Что я покормил вас?

— Что вы флиртуете со мной.

Джулиан опёрся спиной о столб беседки.

— Разве это запрещено?

— Я принадлежу ему.

Его улыбка исчезла.

— Не говорите так.

— Это правда.

— Это слова моего брата, а не ваши.

— Цезарь считает иначе.

— Цезарь много чего считает. Обычно ошибочно.

София посмотрела на него внимательнее.

— Вы так не любите его?

— Я люблю его достаточно, чтобы знать, когда он становится опасным для самого себя.

— И для других?

— В особенности для других.

Джулиан подал ей чашку чая.

Их пальцы соприкоснулись.

На этот раз он не убрал руку сразу. Лишь слегка провёл большим пальцем по её пальцам, будто это произошло случайно.

София заметила.

Джулиан тоже понял, что она заметила.

— Вы специально это делаете, — сказала она.

— Что именно?

— Проверяете, насколько много вам позволят.

— Вы проникательны.

— И это тоже комплимент?

— Самый большой.

София забрала чашку.

— Вы опаснее, чем кажется.

— Наконец-то вы это поняли.

— Я сказала «кажется». Я ещё не решила, опасны ли вы на самом деле.

— Тогда оставайтесь рядом. Решение будет интереснее.

София поднесла чай к губам, пряча улыбку.

Джулиан снова победил.

Он не давил, не требовал, не заставлял. Просто окружал её вниманием, шутками и красивыми местами, пока она сама начинала ждать его появления.

Это было опаснее прямой угрозы.

Потому что рядом с ним София почти забывала, что должна быть настороже.

— Расскажите о Вайпере, — попросила она.

— Он старше меня. Упрямее. Сильнее. И в отличие от Цезаря не считает себя единственным существом в мире, способным принимать решения.

— Вы говорите так, будто Вайпер вас слушается.

— Он слушается, когда хочет.

— А когда не хочет?

— Тогда мы долго обсуждаем проблему.

— Кто обычно побеждает?

— Вайпер.

София рассмеялась.

Джулиан замолчал, наблюдая за ней.

Он уже знал, что хочет увидеть этот смех снова. Хочет, чтобы она смеялась рядом с ним, чтобы искала его взгляд в зале, чтобы привыкла к его руке на своей талии.

Он хотел её не только в постели.

Сначала.

Постель была лишь одним из способов завладеть чужой близостью. Ему хотелось, чтобы София сама тянулась к нему, сама рассказывала секреты, сама приходила в его покои.

Особенно если Цезарь продолжит держать её рядом.

Особенно если старший брат начнёт считать её своей.

Джулиан не собирался уступать ему ничего, что однажды захотел.

— Почему вы так смотрите? — спросила София.

— Думаю, что вы красивее, когда смеётесь.

— Вы уже говорили, что я красивая.

— Мне нравится повторяться.

— Мне не нравится слушать одно и то же.

— Тогда я скажу иначе.

Он сделал шаг к ней.

— Вы выглядите так, будто сами ещё не знаете, сколько власти имеете над людьми.

София перестала улыбаться.

— Над вами?

— Возможно.

— Вы слишком уверены.

— А вы слишком надеетесь, что это неправда.

Несколько секунд они стояли молча.

Джулиан был близко. Слишком близко для простой дружеской беседы. София чувствовала запах его кожи, тепло тела, едва заметное движение волос у его плеча.

Он поднял руку и медленно убрал светлую прядь с её лица.

Пальцы задержались у её виска.
София не отступила, но всё внутри напряглось.
Джулиан мог бы поцеловать её.
Он хотел этого.
Однако в этот момент из леса донёсся низкий гул. Вайпер звал хозяина.
Джулиан отступил первым.
— Похоже, он ревнует.
— Дракон?
— К вам.
— Я думала, он ревнует к вашему вниманию.
— Вайпер редко делится.
— Тогда у него плохой характер.
— Он унаследовал его от меня.
Когда они вернулись во дворец, Цезарь ждал их у нижних ворот.
Орион сидел на башне над ним, чёрный силуэт на фоне серого неба. От дракона исходила
тьма — не просто цвет чешуи, а настоящая магия, плотная и холодная.
Вайпер приземлился на площадку.
Джулиан спрыгнул первым и помог Софии спуститься.
Его ладонь легла ей на талию. Он задержал её там на секунду дольше необходимого.
Цезарь это заметил.
— Где вы были? — спросил он.
— В небе, — ответил Джулиан.
— Я спросил не тебя.
— Но я решил, что твой вопрос нуждается в более красивом ответе.
Цезарь посмотрел на Софию.
— Ты летала на Вайпере?
— Да.
— Без моего разрешения?
— Я не знала, что должна просить его у вас.
Лицо Цезаря стало жёстким.
Джулиан встал рядом с Софией, почти незаметно заслонив её плечом.
— Не сердись, брат.
— Я не сержусь.
— Тогда почему Орион смотрит на Вайпера так, будто собирается вырвать ему крылья?
Чёрный дракон на башне издал низкое рычание.
Вайпер ответил ему раскатистым рёвом.
Воздух между двумя драконами задрожал.
София почувствовала, как по коже пробежал холод.
— Довольно, — приказал Цезарь.
Орион не двинулся.
— Я сказал — довольно.
Тьма вокруг дракона сгустилась, а затем медленно рассеялась. Вайпер тоже опустил
голову.
Джулиан наклонился к Софии.
— Видите? Мой дракон воспитаннее.
— Ваш дракон только что угрожал его дракону.
— Это была дружеская беседа.
Цезарь услышал.
— Джулиан.

— Я уже ухожу.

— Лиана останется.

Джулиан посмотрел на Софию.

В его взгляде на миг мелькнуло раздражение, почти сразу скрытое улыбкой.

— Разумеется, — сказал он. — Мы ведь ещё не закончили завтрак.

— Вы закончили прогулку, — отрезал Цезарь.

— Прогулку — да. Наше знакомство — нет.

Он повернулся к Софии и протянул ей руку.

— До завтра?

Цезарь нахмурился.

София заметила это и, сама не понимая почему, вложила пальцы в ладонь Джулиана.

— Возможно.

Джулиан улыбнулся.

— Значит, до завтра.

Он поднёс её руку к губам, но на этот раз не поцеловал. Лишь склонился к пальцам, оставив жест незавершённым.

Именно поэтому он оказался интимнее настоящего поцелуя.

Джулиан отпустил её и направился к Вайперу.

София наблюдала, как он снова забирается на спину дракона. Вайпер расправил крылья, поднялся в воздух и сделал круг над дворцом.

— Он тебе понравился, — сказал Цезарь.

София отвела взгляд.

— Джулиан приятнее вас.

— Это не ответ.

— Вы ревнуете?

Цезарь посмотрел на неё.

— Нет.

— Вы лжёте.

Он подошёл ближе.

Не так, как вчера. Сегодня в его движениях было напряжение, почти злость.

— Не играй со мной, Лиана.

Чужое имя снова больно кольнуло.

София заставила себя не отступать.

— Я ни с кем не играю.

— Мой брат хочет тебя.

— Вы так уверены?

— Я знаю Джулиана.

— А меня?

— Я знаю, чего хочу я.

Она замерла.

Цезарь наклонился, но не коснулся её.

— И чего же? — спросила София.

— Чтобы ты перестала смотреть на него так, будто он безопасен.

— А он опасен?

— Джулиан опаснее любого человека во дворце.

— Странно. Он кажется добрым.

— Он умеет казаться кем угодно.

София посмотрела в небо, где Вайпер исчезал среди облаков.

— А вы не умеете?

— Нет.

— Вы просто пугаете людей.

— Это быстрее.

— И удобнее.

— Иногда.

Цезарь всё ещё стоял близко.

София чувствовала, что он хочет коснуться её, но сдерживается. Вспомнила прошлую ночь — собственное возбуждение, жар его губ, предательскую слабость тела.

Она злилась на себя за то, что часть её хотела повторения.

Но теперь рядом с этим желанием возникло новое чувство.

Любопытство.

Джулиан был другим. Лёгким, красивым, внимательным. Он не заставлял сердце сжиматься от страха. Рядом с ним София могла смеяться.

Но разве именно это не делало его опасным?

— Вы не ответили, — сказала она. — Джулиан хочет меня?

— Да.

— А если я этого не хочу?

— Тогда он будет ждать подходящего момента.

— Вы говорите так, будто он охотник.

— Он и есть охотник. Просто предпочитает цветы, музыку и красивую ложь.

София задумалась.

Возможно, Цезарь ревновал.

Возможно, просто предупреждал.

А возможно, хотел, чтобы она боялась всех, кроме него.

— Вы не похожи на человека, который способен заботиться о чужой безопасности, — сказала она.

— Я не забочусь о твоей безопасности.

— Тогда о чём?

Цезарь посмотрел ей в лицо.

— О своём терпении.

Он развернулся и пошёл к дворцу.

София осталась на месте.

Над головой исчезал зелёный силуэт Вайпера. Впереди ждали два брата: один — мрачный и прямой, другой — светлый, улыбчивый и лживый.

Оба принимали её за Лиану.

Оба хотели получить её себе.

Но пока только один из них знал, что она принадлежит ему.

И только София знала, что на самом деле не принадлежит никому.

Она подняла руку к ошейнику.

Металл охлаждал кожу.

Где-то вдалеке Вайпер снова заревел, и в этом звуке Софии почудилось предупреждение.

Или обещание.

Глава 5. Под водопадом.

Цезарь пришёл за ней на рассвете.

София уже не спала. После появления Джулиана ей почти не удалось сомкнуть глаз: в памяти снова и снова всплывали светлые волосы, зелёные глаза, насмешливая улыбка и ощущение его руки на талии во время полёта.

Она злилась на себя за то, что рядом с ним ей было легко.

С Цезарем всё было иначе.

Рядом с ним она постоянно помнила, что должна быть осторожной. Каждое слово могло обернуться приказом, каждое прикосновение — напоминанием о власти. Он обращался с ней как с пленницей, как с частью военной добычи, как с женщиной, которую ему позволили забрать вместе с побеждённым королевством.

И всё же именно его прикосновения преследовали её по ночам.

София стояла у окна, когда дверь открылась.

Цезарь вошёл один.

На нём был тёмный дорожный костюм, высокий воротник расстёгнут, на поясе висел короткий меч. За спиной не было ни стражи, ни слуг. Только холодный взгляд и выражение лица, которое не обещало ничего хорошего.

— Собирайся, — сказал он.

София медленно повернулась.

— Куда?

— Со мной.

— Это не ответ.

— Тебе не обязательно знать всё, что происходит в твоей жизни.

— Как удобно.

Цезарь задержал на ней взгляд.

— У тебя десять минут.

— А если я не захочу?

— Тогда я отнесу тебя к дракону в том, что на тебе сейчас.

София посмотрела на него с вызовом.

— Вы часто угрожаете женщинам?

— Только тем, которые заставляют меня ждать.

— Боюсь, сегодня вам придётся потренировать терпение.

Цезарь сделал шаг вперёд.

— Не испытывай меня, Лиана.

Чужое имя болезненно отозвалось внутри.

София не позволила себе показать это.

— И куда же вы собираетесь отвезти свою пленницу?

— К водопаду.

Она ожидала чего угодно, только не этого.

— Зачем?

— Чтобы ты перестала задавать вопросы.

— Это не сработает.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

В его взгляде промелькнуло что-то похожее на раздражённое сомнение.

— Потому что я так решил.

Разумеется.

София отвернулась и подошла к шкафу. Выбрала простое платье из плотной серой ткани, накинула сверху плащ и закрепила волосы. Цезарь всё это время молчал.

Она чувствовала его взгляд на себе.

Не такой, как у Джулиана. Взгляд младшего принца был лёгким, почти игривым, скользил по ней, как солнечный луч. Цезарь смотрел иначе — тяжело, внимательно, будто видел не платье и не лицо, а каждое напряжение мышц под кожей.

Будто хотел понять, почему она отдаляется от него.

Будто не имел права требовать ответа, но всё равно требовал.

— Времени прошло больше, чем десять минут, — сказал он.

София застегнула плащ.

— А вы всё ещё здесь.

— Я решил, что сегодня проявлю милосердие.

— Неужели?

— Не привыкай.

Орион ждал на внешней площадке.

София видела его только издали, но даже так дракон казался частью самой ночи. Его чешуя была насыщенно чёрной, и лишь вдоль крыльев мерцали золотистые полосы. На морде виднелись длинные рога, а глаза горели глубоким янтарным светом.

Он был меньше Вайпера, но казался сильнее.

Не массивнее — опаснее.

Орион поднял голову, когда Цезарь вошёл на площадку. Дракон издал низкий звук, от которого камень под ногами Софии задрожал.

— Он меня не любит, — сказала она.

— Он никого не любит.

— Удобно.

— Он терпит только меня.

— Тогда у него дурной вкус.

Цезарь посмотрел на неё.

— Подойди.

София остановилась.

— Я полечу с вами?

— Ты сама попросила увидеть мир за стенами дворца.

— Я не просила.

— Но хотела.

Он подошёл к дракону и положил руку на его шею. Орион склонил голову, позволяя хозяину коснуться себя.

— Или ты предпочитаешь провести день в комнате?

София посмотрела на небо.

Рассвет только начинался. Облака горели на горизонте алым и золотым. За стенами замка лежали горы, леса и долины, которых она не видела с момента пленения.

Ей хотелось свободы хотя бы на несколько часов.

— Хорошо, — сказала она.

Цезарь протянул руку.

София вложила в неё пальцы.

Он сжал их и одним движением помог ей подняться на спину Ориона. Седло было широким, с высокими креплениями, но София всё равно почувствовала себя неуверенно. Дракон шевельнулся, и она инстинктивно ухватила за луку седла.

Цезарь сел позади неё.

Его колени оказались по обе стороны от её бёдер.

— Держись.

— Я умею.

— Ты умеешь спорить. Это не одно и то же.

Орион расправил крылья.

София ощутила, как Цезарь обхватил её за талию. Его ладонь легла поверх плаща, крепко удерживая её.

— Уберите руку.

— Если ты упадёшь, я не стану ловить тебя дважды.

— Я не упаду.

— Тогда не мешай мне.

Он отдал Ориону приказ.

Дракон сорвался с площадки.

София вскрикнула — не от страха, а от неожиданности. Земля мгновенно ушла вниз. Стены дворца стали маленькими, башни превратились в тонкие иглы, а ветер ударил в лицо с такой силой, что пришлось зажмуриться.

Руки Цезаря крепче сомкнулись вокруг неё.

Она чувствовала его грудь за спиной, жар тела сквозь одежду, тяжёлое дыхание возле волос. С каждым взмахом крыльев Ориона их тела соприкасались. София пыталась держать дистанцию, но в седле это было невозможно.

— Расслабься, — сказал Цезарь ей на ухо.

— Я расслаблена.

— Ты вцепилась в седло так, будто хочешь вырвать его.

— Может быть, я просто не доверяю вашему дракону.

— Или мне.

— Вам особенно.

Его пальцы чуть сильнее сжали её талию.

— Тогда тебе будет полезно научиться держаться за того, кому не доверяешь.

София резко повернула голову.

— Это звучит почти как угроза.

— Это и есть угроза.

Он сказал это спокойно.

София снова отвернулась, пытаясь сосредоточиться на полёте. Внизу растянулись леса. Деревья казались зелёным ковром, по которому скользили тени облаков. Далеко впереди высились горы, между ними серебрилась река.

Орион летел быстро.

Цезарь не отпускал её.

Иногда его пальцы перемещались — от талии к животу, потом обратно, будто он проверял, удобно ли она сидит. Но София чувствовала: он делал это не только ради безопасности.

Она злилась.

И всё же не отстранялась.

— Вы специально привезли меня сюда, чтобы держать в руках? — спросила она.

— Не льсти себе.

— Вы сами пригласили меня.

— Я не приглашал. Я приказал.

— Конечно. Как я могла забыть?

Цезарь наклонился ближе.

— Ты слишком много говоришь для рабыни.

София замерла.

Слово ударило сильнее, чем она ожидала.

Она знала, кто она для него. Пленница. Заложница. Принцесса, которую он считал Лианой. Но вслух он ещё ни разу не называл её рабыней.

— Повторите, — тихо сказала она.

— Я сказал...

— Я слышала.

— Тогда не заставляй меня повторять.

София повернулась к нему насколько позволяла посадка.

— А вы не заставляйте меня забывать, что я человек.

На несколько мгновений в его лице исчезла привычная холодность.

Орион продолжал лететь, а между ними сгушалось молчание.

Затем Цезарь снова посмотрел вперёд.

— Ты слишком чувствительна.

— А вы слишком жестоки.

— И всё же держишься за меня.

София только тогда заметила, что пальцы действительно вцепились в его предплечье.

Она резко убрала руку.

Орион качнулся в воздухе, и София пошатнулась.

Цезарь мгновенно поймал её, прижав к себе.

— Я же сказал — держись.

— Не приказывайте мне.

— Тогда падай.

— Может, я именно этого и хочу.

— Лжёшь.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Знаю достаточно.

Его губы коснулись её виска.

Это было почти невинное прикосновение.

Почти.

София напряглась, но Цезарь не отстранился. Его подбородок скользнул по её волосам, а ладонь медленно переместилась на живот. Теперь он держал её не как всадницу, а как женщину, которую хотел удержать рядом.

— Цезарь...

— Что?

— Уберите руку.

— Ты действительно этого хочешь?

София закрыла глаза.

Да.

Нет.

Она не знала.

— Я сказала это.

— Слова иногда лгут.

— А прикосновения — нет?

— Твои — нет.

От его голоса по спине прошла дрожь.

Цезарь почувствовал её и усмехнулся.

— Ты можешь ненавидеть меня сколько угодно, Лиана. Но тело не умеет лгать так хорошо, как ты.

София резко оттолкнула его руку.

— Не смейте говорить со мной так.

— Почему? Потому что я прав?

— Потому что вы обращаетесь со мной как с вещью, а потом делаете вид, будто имеете право требовать от меня страсти.

— Я ничего не требую.

— Вы приказываете.

— Это не одно и то же.

— Для пленницы — одно.

Цезарь замолчал.

Орион начал снижаться.

Перед ними открылась узкая долина, окружённая отвесными скалами. С высоты София увидела водопад: белая вода срывалась с уступа и разбивалась о тёмное озеро. Вокруг росли высокие деревья с красными листьями.

Красота места почти лишала дара речи.

Орион приземлился на каменной площадке у края леса.

Цезарь прыгнул первым и протянул руки.

— Я сама.

— Я не сомневался.

София спустилась, но камень оказался скользким. Нога подвернулась, и она качнулась в сторону.

Цезарь поймал её за талию.

— Отпустите.

— Ты даже благодарить не умеешь.

— За то, что вы сначала привезли меня сюда против воли, а потом схватили, когда я чуть не упала?

— Именно.

София оттолкнула его и пошла к воде.

За водопадом скрывалась небольшая каменная ниша. Туман от падающей воды окутывал всё вокруг, оседая на коже холодными каплями.

София сняла плащ.

— Ты промокнешь, — сказал Цезарь.

— Это водопад. Вода имеет такое свойство.

Он приблизился.

— Ты нарочно выводишь меня из себя.

— Возможно, мне нравится смотреть, как вы теряете контроль.

— Я не теряю контроль.

— Вы называете меня рабыней.

— Ты ведёшь себя как непокорная пленница.

— А как должна вести себя пленница?

Цезарь остановился перед ней.

— Тише.

— Покорнее?

— Осторожнее.

— Разве это не одно и то же для вас?

— Нет.

Он схватил её за запястье.

Не больно, но достаточно крепко, чтобы София не могла вырваться.

— Отпустите.

Цезарь посмотрел на её руку, затем на лицо.

— Ты не боишься.

— Должна?

— Обычно люди боятся, когда я прикасаюсь к ним вот так.

— Я не обычно.

— Я заметил.

Он не отпустил.

Вода грохотала совсем рядом. Брызги оседали на коже Софии, смешиваясь с теплом его пальцев. Цезарь смотрел на неё так, будто между ними не было ни водопада, ни гор, ни замка — только эта рука, это расстояние и вопрос, который он не решался задать.

— Вы собираетесь наказать меня? — спросила София.

- За что?
- За то, что я разговариваю без разрешения.
- Уже наказал.
- Как?
- Привёз сюда.
- Это наказание?
- Для меня — да.

Она хотела рассмеяться, но его взгляд не позволил.

Цезарь отпустил её запястье и провёл пальцами по внутренней стороне ладони. Жест был неожиданно нежным. Он будто стирал след собственного захвата.

София затаила дыхание.

- Вы не похожи на человека, который умеет быть нежным, — прошептала она.
- Я не нежный.
- Тогда что это?
- Ошибка.
- Вы часто ошибаетесь?
- Только рядом с тобой.

Он поднял её руку и коснулся губами ладони.

София замерла.

Поцелуй был лёгким, почти почтительным, но в нём ощущалась такая сдержанная страсть, что её дыхание сбилось. Цезарь развернул её ладонь, провёл губами по пальцам, задержался у запястья.

София пыталась не реагировать.

Не могла.

Он прижал её руку к своей груди.

Под ладонью билось сердце — сильно, тяжело, совсем не так спокойно, как обычно. Его взгляд не отрывался от её лица.

- Ты чувствуешь? — спросил он.
- Что?
- Как ты действуешь мне на нервы.
- Ваше сердце выглядит очень раздражённым.
- Оно всегда такое рядом с тобой.

Цезарь привлёк её ближе.

София упёрлась руками ему в грудь.

- Не надо.
- Скажи это и смотри на меня.

Она подняла глаза.

— Не надо.

Он не двинулся.

София чувствовала его дыхание. Вода шумела за спиной. Холодные капли стекали по её щеке, а от его тела исходило тепло.

- Я остановлюсь, если ты действительно хочешь, чтобы я остановился, — сказал он.
 - А если я не знаю?
 - Тогда узнай.
- Он наклонился.

София могла отвернуться.

Но не отвернулась.

Их губы встретились.

Поцелуй начался медленно — почти осторожно, словно Цезарь давал ей время привыкнуть к близости. Его ладонь легла ей на затылок, пальцы запутались в волосах. Вторая рука обхватила талию и притянула к нему.

София почувствовала, как исчезает расстояние.

Он целовал её глубже, настойчивее, и в этом поцелуе было всё, чего он не говорил: раздражение, желание, ревность и почти болезненная потребность убедиться, что она всё ещё отвечает ему.

София отвечала.

Несмотря на злость.

Несмотря на страх.

Несмотря на то, что он принимал её за Лиану.

Её пальцы сжались на его рубашке. Она потянула его ближе и сама удивилась собственной смелости. Цезарь издал тихий хриплый звук, от которого внутри у неё всё вспыхнуло.

Он оторвался от её губ и поцеловал шею.

Медленно.

Не оставляя боли, но заставляя тело предательски выгибаться навстречу каждому прикосновению. София закрыла глаза, чувствуя, как его рука скользит по её спине. Его пальцы остановились у застёжки платья.

— Цезарь...

— Я здесь.

— Вы не должны...

— Я знаю.

— Тогда прекратите.

Его рука замерла.

Он поднял голову.

— Ты хочешь, чтобы я прекратил?

София тяжело дышала. Ответ застрял в горле.

Она хотела, чтобы он снова поцеловал её.

Хотела, чтобы его руки продолжали касаться её.

Хотела забыть, что он враг, что она носит чужое имя, что в его глазах существует только Лиана.

Но хотеть его означало предавать себя.

— Вы не видите меня, — сказала она.

— Я вижу тебя.

— Нет. Вы видите образ, который создали сами. Послушную принцессу. Дочь короля. Женщину, которую можно забрать и запереть.

— Ты не послушная.

— Но вы хотите, чтобы я была.

— Я хочу, чтобы ты была со мной.

— Почему?

Цезарь нахмурился.

— Потому что ты мне нужна.

Эти слова прозвучали слишком просто.

Слишком искренне.

София почувствовала, как сопротивление слабеет. Ей хотелось поверить. Хотелось думать, что он хочет именно её — не Лиану, не пленницу, не символ победы.

Но он не знал Софию.

Не знал ничего.

— Вам нужна не я, — сказала она. — Вам нужна женщина, которую вы победили.

— Я не говорил, что победил тебя.

— Вы приказали надеть на меня ошейник.

— Чтобы защитить тебя.

— Не лгите.

— Я не лгу.

— Вы называете это защитой, потому что так легче спать?

Цезарь отступил.

Его лицо стало холодным.

— Ты ничего не знаешь о том, что мне легче.

— А вы ничего не знаете обо мне.

— Тогда расскажи.

— Вы не заслужили правду.

— Правда не принадлежит тебе.

София похолодела.

— Что вы сказали?

— Ты думаешь, можешь скрывать от меня всё, что хочешь, а потом обвинять меня в том, что я не знаю тебя?

— Я не ваша собственность.

— Пока ты носишь мой ошейник, ты находишься под моей властью.

— Вот именно!

София сорвала с плеч плащ и швырнула его на камни.

— Власть! Только это вы и умеете показывать. Приказывать, угрожать, хватать. Вам нравится, когда я боюсь, потому что тогда вы можете притворяться сильным.

В глазах Цезаря вспыхнула ярость.

— Осторожно.

— Что вы сделаете? Накажете? Отправите в подземелье? Прикажете своим людям связать меня?

Он оказался перед ней в один шаг.

— Не заставляй меня жалеть о том, что я привёз тебя сюда.

— Вы жалеете не обо мне. Вы жалеете, что не получили от меня покорности.

— Я никогда не требовал покорности.

— Вы требуете её каждым словом!

— Потому что ты ведёшь себя как ребёнок.

— А вы — как чудовище.

Цезарь замолчал.

София увидела, как напряжение проступило на его лице, как сжалась челюсть.

Он снова подошёл и взял её за подбородок.

София вздрогнула.

— Отпустите.

— Ты всегда говоришь это после того, как сама тянешься ко мне.

— Потому что я ненавижу себя за это.

Пальцы Цезаря разжались.

— Тогда ненавижь себя, — холодно сказал он. — Но не перекладывай свою слабость на меня.

София ударила его по щеке.

Звук затерялся в грохоте воды.

Орион поднял голову и зарычал.

Цезарь медленно повернул лицо обратно. На щеке проступил красный след.

Он смотрел на Софию так, что у неё перехватило дыхание.

— Вот теперь ты похожа на себя.
— Вы понятия не имеете, какая я.
— Нет. Но я знаю, что ты жестокая, когда тебе страшно.
Эти слова попали точно.
София почувствовала, как внутри поднимается жгучая обида.
— А вы жестоки всегда.
— Поэтому ты всё ещё здесь.
— Я здесь, потому что вы не оставили мне выбора.
— У тебя был выбор.
— Покориться или умереть?
— Иногда это единственные варианты.
— Тогда не называйте это выбором!

Цезарь отвёл взгляд.

На мгновение София увидела в нём не принца, не завоевателя и не мужчину, который только что целовал её под водопадом, а человека, слишком давно привыкшего выживать там, где не оставалось хороших решений.

Но жалость исчезла почти сразу.

Он снова стал холодным.

— Возвращаемся.

— Я не хочу.

— Мне всё равно.

— Тогда возвращайтесь один.

Он развернулся к Ориону.

— Не испытывай моё терпение.

— Вы уже говорили.

— И ты всё ещё не научилась слушать.

София пошла к дракону первой.

Цезарь схватил её за локоть.

— Ты полетишь со мной.

— Я могу идти пешком.

— До замка несколько часов.

— Прекрасно.

— Ты замёрзнешь.

— Лучше замёрзнуть, чем снова к вам прикасаться.

Его пальцы сжались.

— Ты лжёшь.

— Ненавижу, когда вы это говорите.

— Потому что я прав.

— Потому что вы думаете, что имеете право решать, что я чувствую!

Цезарь смотрел на неё, не отпуская.

София вырвала руку.

— Я не Лиана, которой можно приказывать улыбаться, молчать и ложиться в вашу постель, когда вам вздумается.

Слова вырвались прежде, чем она успела остановить их.

Мир замер.

Орион перестал двигаться. Водопад продолжал грохотать, но София слышала только собственное сердце.

Цезарь медленно поднял взгляд.

— Что ты сказала?

София поняла, что едва не выдала себя.

— Я сказала, что не стану ложиться в вашу постель по приказу.

Он изучал её лицо.

Слишком внимательно.

— Ты говоришь о Лиане так, будто знаешь, чего она хочет.

София заставила себя усмехнуться.

— Женщины обычно не хотят, чтобы их покупали вместе с королевством.

— Ты не Лиана?

Сердце остановилось.

Цезарь сделал шаг к ней.

София отступила.

— Вы устали. Вам показалось.

— Ответь.

— Вы слышите только то, что хотите услышать.

Он схватил её за плечи.

— Я задал вопрос.

— А я не обязана отвечать!

— Обязана, если хочешь вернуться в замок.

— Тогда возвращайте меня как пленницу. Вам ведь так привычнее.

Цезарь смотрел на неё, и в его глазах сталкивались подозрение и ярость.

Затем он отпустил её.

— Садись.

— Нет.

— Я сказал...

— Я слышала.

Она подошла к Ориону и забралась в седло сама. Цезарь поднялся следом, но теперь не обнял её за талию. Между ними оставалось несколько дюймов пустого пространства.

Это расстояние оказалось мучительнее прежней близости.

Орион взмыл в небо.

София не оглядывалась.

Цезарь молчал всю дорогу.

Он тоже был зол.

На неё — за неповиновение, за недосказанность, за то, что она позволила ему поверить в близость, а затем оттолкнула.

На себя — за то, что хотел её слишком сильно. За то, что поддался её прикосновениям. За то, что впервые за много лет не смог отличить желание от потребности.

София сидела впереди и чувствовала его присутствие за спиной, но не позволяла себе повернуться.

Её губы всё ещё помнили его поцелуи.

Кожа помнила руки.

А сердце — его слова.

Ты нужна мне.

Она ненавидела его за это.

Ненавидела за то, что хотела услышать их снова.

Дворец показался на горизонте. Орион приземлился на внешней площадке.

Цезарь спрыгнул первым и отошёл в сторону, не протягивая ей руку.

София спустилась сама.

Они посмотрели друг на друга.

— Не приходи ко мне сегодня, — сказала она.

— Не бойся. Я не стану.

— Я не боюсь.

— Ты всегда говоришь это, когда боишься.

София подошла ближе.

— А вы всегда называете меня лгуньей, когда не можете заставить меня подчиниться.

— Ты хочешь продолжить этот разговор?

— Нет.

— Тогда уходи.

Она развернулась.

— София.

Она застыла.

Цезарь впервые назвал её настоящим именем.

Нет.

Ей показалось.

Он говорил:

— Лиана.

София медленно закрыла глаза.

Затем пошла прочь.

Цезарь остался на площадке рядом с Орионом, сжав кулаки до побелевших пальцев.

София не обернулась.

Не увидела, как Орион повернул голову к хозяину.

Не увидела, как Цезарь поднял руку и коснулся щеки, где всё ещё горел след её ладони.

Они вернулись в замок разозлёнными друг на друга.

И оба слишком хорошо помнили, как именно всё началось — под шум водопада, среди холодных брызг, с прикосновения, от которого ни один из них так и не смог отказаться.

Глава 6. Баронессы.

После возвращения из долины Цезарь не пришёл к Софии.

Она не знала, что раздражало сильнее: его молчание или собственное разочарование.

Весь следующий день замок жил своей обычной жизнью. В коридорах шептались слуги, стражники менялись у ворот, а за окнами висело низкое свинцовое небо. Драконьи башни терялись в тумане, и казалось, будто крепость отрезана от всего мира.

София сидела в библиотеке, пытаясь читать, когда дверь распахнулась без стука.

На пороге стоял Джулиан.

— Я так и думал, что найду тебя здесь.

— Почему?

— Ты приходишь сюда, когда хочешь спрятаться.

— Я не прячусь.

— Разумеется.

Он вошёл, держа в руках два бокала с тёмным вином. Один поставил перед ней.

София посмотрела на него с сомнением.

— Это не отрава?

— Если бы я хотел тебя отравить, то выбрал бы напиток получше.

Она невольно улыбнулась.

Джулиан сел напротив, закинув ногу на ногу.

— Ты выглядишь так, будто собираешься убить кого-то взглядом.

— Может быть, так и есть.

— Цезарь?

— Почему все сразу думают о нём?

— Потому что ты произносишь его имя даже тогда, когда молчишь.

София отвела взгляд.

— Мы поссорились.

— Я заметил.

— Вы все в этом замке замечаете слишком много.

— Это замок, где половина людей умеет читать мысли, а вторая половина подслушивает у дверей. Здесь трудно быть незаметной.

— Я не хочу говорить о нём.

— Хорошо. Не будем.

Джулиан поднял бокал, но не успел сделать глоток.

В коридоре раздались шаги.

Медленные. Уверенные. Сопровождаемые шелестом ткани.

Джулиан повернул голову.

В библиотеку вошли две женщины.

Первой была высокая, почти невесомо тонкая блондинка. Её волосы отливали цветом инея — белые у висков, серебристые на концах. Они были собраны на затылке, но несколько длинных прядей свободно падали на плечи. Белое кружевное платье подчёркивало болезненную хрупкость фигуры, а на горле поблёскивало ожерелье из прозрачных камней.

Её лицо было красивым до совершенства.

И таким же холодным.

Следом вошла вторая.

Кларисса была полной противоположностью Вивиан. Жгучие чёрные волосы, смуглая кожа, выразительные губы и фигура, которую невозможно было не заметить. Кроваво-красное бархатное платье облегло её тело, подчёркивая сочные изгибы. На пальцах сверкали тяжёлые кольца, похожие на когти.

Обе женщины остановились, увидев Софию.

Вивиан улыбнулась.

Но в её улыбке не было ни капли тепла.

— Так вот она какая, — произнесла она. — Новая игрушка Цезаря.

Кларисса оглядела Софию с головы до ног.

— Нет. Не новая. Просто хорошо забытая.

София почувствовала, как внутри всё сжалось.

Она встала.

— Вы знаете меня?

— Конечно знаем, — ответила Вивиан. — Неужели ты забыла нас, Лиана?

Имя прозвучало как обвинение.

— Мы были в твоём дворце, — добавила Кларисса. — Когда твой отец ещё считал, что способен удержать корону. Ты тогда была маленькой, но уже достаточно высокомерной.

— Я ничего не помню.

— В этом и состоит твоя сила, — холодно сказала Вивиан. — Ты забываешь всё, что причиняешь другим.

Джулиан поставил бокал на стол.

— Баронесса Вивиан. Баронесса Кларисса. Рад видеть, что вы обе всё ещё умеете входить без приглашения.

— Не вмешивайся, Джулиан, — сказала Кларисса.

— В библиотеке замка я вмешиваюсь во всё, что считаю нужным.

— Мы пришли не к тебе.

— Я заметил.

Вивиан медленно двинулась вперёд. От её платья тянуло холодом. Иней начал проступать на краях каменного пола, тонкими белыми узорами расплзаясь к ногам Софии.

— Цезарь пригласил тебя на бал, — сказала она.
— Насколько мне известно, это не запрещено.
— Он пригласил тебя, хотя обещал танец мне.
— А мне он обещал провести вечер рядом с собой, — добавила Кларисса. — Но потом исчез. Из-за тебя.

София скрестила руки на груди.

— Если у вас проблемы с Цезарем, поговорите с ним.
— Мы поговорим, — ответила Вивиан. — После того как напомним тебе, где твоё место.
— Моё место не определяется вашими прихотями.

Кларисса усмехнулась.

— Всё такая же дерзкая.

— А вы всё такие же уверенные, что власть даёт право унижать остальных.

Вивиан остановилась.

В её светлых глазах исчезла насмешка.

— Ты говоришь о власти?

Иней под ногами Софии взорвался острыми кристаллами. Она отступила, но холод уже обвил её лодыжки. Кожа мгновенно онемела.

Джулиан вскочил.

— Вивиан.

— Не мешай.

— Это дворец. Здесь запрещено использовать боевую магию против гостей.

— Она не гостя.

Кларисса подняла руку.

Воздух в библиотеке стал густым, тяжёлым. Тени между стеллажами вытянулись и поползли по стенам, будто ожившие змеи. В камине погас огонь.

София попыталась шагнуть назад, но лёд уже поднялся выше щиколоток.

— Что вам от меня нужно? — спросила она.

— Чтобы ты исчезла, — ответила Кларисса.

— Из замка?

— Из его жизни.

— Вы обе влюблены в него?

Вопрос прозвучал резче, чем она намеревалась.

Но он попал в цель.

Лицо Вивиан стало неподвижным.

Кларисса сжала пальцы.

— Мы были рядом с Цезарем задолго до тебя.

— И всё это время он не выбрал ни одну из вас?

В воздухе раздался сухой треск.

Кристаллы льда сомкнулись вокруг ног Софии. Холод пронзил мышцы. Она пошатнулась и вцепилась в край стола.

— Замолчи, — прошипела Вивиан.

— Почему? Вам неприятно слышать правду?

Кларисса сделала шаг ближе. Её глаза потемнели, в них вспыхнули алые отблески.

— Цезарь смотрит на тебя так, как никогда не смотрел на нас.

— Это не моя вина.

— Но ты наслаждаешься этим.

— Вы ничего обо мне не знаете.

— Мы знаем достаточно, — сказала Вивиан. — Знаем, что ты пришла в его замок, притворяясь беспомощной. Знаем, что он стал проводить с тобой часы, которые прежде принадлежали нам. Знаем, что он позволил тебе лететь на Орионе.

В её голосе впервые прорезалась настоящая боль.

София заметила это — и почти пожалела её.

Почти.

— Вы ревнуете к дракону?

Кларисса ударила ладонью по воздуху.

Софию отбросило назад.

Она врезалась в книжный шкаф. Дерево содрогнулось, книги посыпались на пол. В затылке вспыхнула боль, дыхание перехватило.

Джулиан шагнул между ними.

— Достаточно.

Он поднял руку, и вокруг него вспыхнуло золотое свечение.

Лёд у ног Софии пошёл трещинами.

— Отойди, Джулиан, — сказала Кларисса. — Это не твоя война.

— Вы напали на женщину в моём присутствии. Теперь это моя война.

— Ты защищаешь её? — Вивиан посмотрела на него с презрением. — Неужели и ты попался?

— Я защищаю не её честь. Я защищаю порядок.

— Лжец, — прошептала Кларисса. — Ты смотришь на неё так же, как Цезарь.

— Осторожнее.

— Или что?

Кларисса подняла обе руки.

Тени сорвались со стен.

Они метнулись к Софии, обвили её запястий и резко рванули вверх. Её тело оторвалось от пола. Плечи пронзила боль, руки вытянуло над головой.

София вскрикнула.

— Джулиан!

Золотой свет вокруг него вспыхнул ярче, но Вивиан ударила ладонью по полу.

Из камня выросли ледяные копья.

Они встали полукругом вокруг Джулиана, отрезая его от Софии.

— Древняя кровь, — сказал он сквозь зубы. — Вы обе сошли с ума.

— Мы просто возвращаем себе то, что принадлежит нам, — ответила Вивиан.

— Цезарь не принадлежит никому.

— Он принадлежит тому, кто способен удержать его, — сказала Кларисса.

Тени сжались сильнее.

София почувствовала, как в запястьях пульсирует боль. Перед глазами поплыли чёрные пятна. Она пыталась вырваться, но магия словно проникала под кожу, лишая мышцы силы.

— Вы хотите, чтобы он любил вас? — прохрипела она. — И думаете, что для этого нужно убить меня?

— Не убить, — сказала Вивиан. — Унизить.

Она подошла ближе и коснулась пальцами щеки Софии. Кожа баронессы была ледяной.

— Ты должна почувствовать хотя бы часть того, что чувствовали мы, наблюдая, как он смотрит на тебя.

— Вы сами выбрали страдать.

— А ты сама выбрала отнять его у нас.

— Я ничего не отнимала!

— Он смотрел на тебя, — прошептала Вивиан. — Этого достаточно.

Кларисса подошла с другой стороны.

— Скажи, Лиана, он уже целовал тебя?

София промолчала.

Кларисса усмехнулась.

— Значит, целовал.

Тени сжались ещё сильнее.

— Он касался тебя?

София резко вдохнула.

— Замолчите.

— Отвечай.

— Я не обязана...

— Ты обязана.

— Отпустите её!

Джулиан ударил магией по ледяной стене.

Взрыв отбросил осколки в стороны. Несколько из них впились в деревянный пол, один рассёк ему щёку. Тонкая полоска крови скользнула по коже.

Он не обратил на это внимания.

Золотое свечение хлынуло по комнате, разрушая тени. Кларисса отступила, прикрыв лицо рукой. Вивиан резко вскинула ладонь, и между ней и Джулианом выросла стена белого льда.

Джулиан ударил по ней снова.

— Ты не понимаешь, — сказала Кларисса. — Если Цезарь выберет её, всё изменится.

— Из-за любовной ревности вы решили начать войну внутри замка?

— Это не ревность, — прошипела Вивиан. — Это право.

— Право? — София с трудом подняла голову. — Вы называете правом нападение на безоружную женщину?

— Ты не безоружна, — ответила Вивиан. — Ты вооружена его вниманием.

Эта фраза прозвучала страшнее заклинания.

Джулиан наконец пробил ледяную стену.

Золотая волна прокатилась по библиотеке. Тени рассыпались пеплом. София рухнула вниз, но Джулиан успел поймать её.

Он прижал её к себе, поддерживая за плечи.

— Ты цела?

София попыталась ответить, но голос не слушался.

На её запястьях темнели багровые следы от магических пут.

Джулиан увидел их — и его лицо изменилось.

— Вы перейдите границу ещё раз, — сказал он баронессам, — и я сам отведу вас к Цезарю в цепях.

Кларисса выпрямилась.

На её губах появилась злая улыбка.

— Думаешь, он накажет нас?

— Уверен.

— Нет, — возразила Вивиан. — Он спросит, почему мы это сделали. А потом спросит её, что произошло на водопаде.

София замерла.

Джулиан посмотрел на неё.

Кларисса заметила это и рассмеялась.

— Как интересно. Она не рассказала.

— Замолчите, — сказал Джулиан.

— Цезарь не любит тайн, — продолжила Вивиан. — Особенно от тех, кто ему дорог. София поднялась на ноги, хотя колени дрожали.

— Вам не удастся настроить его против меня.

— Нам не нужно, — сказала Кларисса. — Достаточно дать ему понять, что ты скрываешь. Дверь библиотеки распахнулась.

На пороге стоял Цезарь.

За его спиной замерли двое стражников.

Взгляд его скользнул по разбросанным книгам, разрушенной мебели, кровавому следу на лице Джулиана, а затем остановился на Софии.

На её запястьях.

Вивиан и Кларисса мгновенно изменились. Обе выпрямились, их лица приняли выражение оскорблённой невинности.

— Цезарь, — сказала Вивиан. — Ты пришёл как раз вовремя.

— Что здесь произошло? — спросил он.

Его голос был тихим.

Слишком тихим.

Кларисса указала на Софию.

— Лиана напала на нас.

София резко повернула голову.

— Что?

— Она обвинила нас в заговоре, — продолжила Кларисса. — А потом использовала магию.

Цезарь посмотрел на Софию.

Его лицо осталось бесстрастным, но в глазах темнела опасная ярость.

— Это правда?

— Нет.

— Она лжёт, — сказал Джулиан. — Они напали первыми.

— Не вмешивайся, — бросил Цезарь, не отрывая взгляда от Софии.

София почувствовала, как внутри поднимается обида.

Он снова сомневался.

Снова видел в ней не Софию, а Лиану — женщину, способную на интриги и предательство.

— Спроси своих баронесс, — сказала она. — Они пришли сюда, чтобы убить меня.

— Мы не хотели её убивать, — холодно уточнила Вивиан. — Только преподать урок.

— Молчать, — произнёс Цезарь.

В комнате стало тихо.

Баронессы обменялись взглядами.

— Но она забрала тебя у нас, — сказала Кларисса. — Сколько ещё ты позволишь ей манипулировать собой?

Цезарь медленно повернулся к ней.

— Ещё одно слово — и ты лишишься права произносить моё имя.

Улыбка исчезла с лица Клариссы.

Вивиан побледнела.

Цезарь подошёл к Софии. Он остановился рядом, но не коснулся её.

— Выйдите, — приказал он баронессам.

— Цезарь...

— Сейчас.

Вивиан опустила взгляд. Кларисса задержалась ещё на мгновение, глядя на Софию с такой ненавистью, что та почувствовала её почти физически.

— Это не закончено, — прошептала Кларисса.
— Для вас — закончено, — ответил Цезарь.
Баронессы ушли.
Дверь закрылась.
Цезарь посмотрел на следы на запястьях Софии.
— Кто это сделал?
— Они.
— Я видел.
— Тогда зачем спрашиваете?
— Потому что хочу услышать от тебя.
— Вы не поверите.
— Попробуй.
— Они напали на меня. Использовали древнюю магию. Подняли меня над полом и связали тенями. Вивиан заморозила ноги, а Кларисса пыталась... — София замолчала.
— Что?
— Ничего.
— Продолжай.
— Они хотели причинить мне боль. Из-за вас.
Цезарь сжал челюсть.
— Из-за меня?
— Потому что они считают, что я украла вас у них.
— Я не принадлежу им.
— Но и мне вы не принадлежите.
Его взгляд стал жёстким.
— Я этого не говорил.
— Вам и не нужно. Вы всё время напоминаете мне, что я ваша пленница.
— Это не повод скрывать от меня правду.
— Какую правду?
— О водопаде.
София почувствовала, как лицо обжигает.
Джулиан сделал шаг вперёд.
— Цезарь...
— Я не спрашивал тебя.
— Тогда спроси её без угроз.
Цезарь перевёл взгляд на брата.
— Оставь нас.
— Нет.
— Джулиан.
— Если ты снова превратишь разговор в допрос, я останусь.
Несколько долгих секунд братья смотрели друг на друга.
Затем Цезарь отвернулся.
— Все вон.
Джулиан подошёл к Софии.
— Я буду в соседней галерее.
— Не нужно, — сказала она. — Иди.
Он бросил на Цезаря настороженный взгляд, затем вышел.
София осталась одна с человеком, которого хотела одновременно ударить и коснуться.
Цезарь заговорил первым:
— Ты сказала, что не Лиана.

- Я сказала, что не стану похожей на неё.
- Нет. Ты сказала другое.
- Вам слышалось.
- Не лги мне.
- Вы не имеете права требовать от меня честности, когда сами держите меня в плену.
- Я спас тебя сегодня.
- Джулиан спас меня.
- Я приказал прекратить.
- После того как они уже сделали это.
- Я бы не позволил им убить тебя.
- Но позволили бы мне оставаться пленницей?

Цезарь приблизился.

София не отступила, хотя всё тело ещё помнило магические путы.

— Я не знаю, кто ты, — сказал он. — И это сводит меня с ума.

— Теперь вы решили, что я не Лиана?

— Я знаю, что ты лжёшь.

— Тогда запирайте меня.

— Не искушай меня.

— Вы только и делаете, что угрожаете.

— Потому что ты не оставляешь мне другого выбора.

София горько усмехнулась.

— У вас всегда есть выбор. Просто вы выбираете власть.

Цезарь остановился.

В его глазах мелькнула боль, но он тут же спрятал её за привычной холодностью.

— Уходи в свои покои.

— С удовольствием.

— И больше не приближайся к баронессам без сопровождения.

— Не волнуйтесь. Я не планировала искать их дружбы.

— Я не шучу.

— Вы никогда не шутите.

София направилась к двери.

— Лиана.

Она снова остановилась.

Но не обернулась.

— Что?

— Если они снова подойдут к тебе...

— Я позову Джулиана.

— Позови меня.

Она медленно сжала пальцы.

— Я не хочу зависеть от вас.

— Уже зависишь.

София повернула голову.

Цезарь стоял в центре разгромленной библиотеки, окружённый осколками льда и золотистой пылью разрушенной магии.

— Именно поэтому я и ненавижу вас, — сказала она.

И вышла, оставив его одного.

За дверью Джулиан ждал её в коридоре.

Он посмотрел на её запястья, затем на закрывшуюся дверь.

— Он сделал тебе больно?

— Нет.

— Тогда почему ты плачешь?

София коснулась щеки и только теперь поняла, что по ней действительно текут слёзы. Она вытерла их ладонью.

— Потому что здесь все хотят владеть мной.

Джулиан ничего не ответил.

А далеко в другом крыле замка Вивиан и Кларисса стояли у высокого окна, глядя, как София уходит рядом с ним.

— Она не должна была пережить этот день, — сказала Кларисса.

— Она пережила.

— Цезарь выбрал её.

Вивиан коснулась пальцами холодного стекла.

— Нет, — тихо произнесла она. — Он ещё не выбрал.

— Тогда мы заставим его.

Внизу, в сером дворе, над замком пронёсся Орион.

Его тень накрыла стены, башни и окна, за которыми три женщины — София, Вивиан и Кларисса — думали об одном и том же мужчине.

И каждая из них верила, что имеет на него право.

Глава 7. Имя, которого нет.

Цезарь не спал.

Он стоял у окна, глядя на тёмные башни замка. Внизу, за стенами, клубился туман. В нём терялись дороги, сторожевые огни и чёрные силуэты драконьих вольеров.

Орион спал на дальней площадке, свернув крылья. Даже во сне дракон время от времени издавал низкое гортанное рычание, словно продолжал охранять хозяина.

Цезарь завидовал его способности не думать.

Стоило закрыть глаза, как перед ним возникала Лиана.

Не та принцесса, которую он помнил.

Эта Лиана была другой.

Она смотрела на него с ненавистью и не отводила взгляда. Отвечала на приказы колкостью. Не склоняла голову, не просила пощады, не пыталась понравиться.

И всё же иногда в ней появлялось что-то такое, что заставляло Цезаря забывать о подозрениях.

Её настоящая улыбка.

Редкая, почти случайная.

То, как она замирала, когда он приближался.

То, как её пальцы вцеплялись в его одежду, когда она сама уже не могла решить, оттолкнуть его или притянуть ближе.

Он сжал ладони на подоконнике.

Воспоминание о водопаде вернулось слишком отчётливо.

Холодные брызги на её коже. Её дыхание у его губ. Сопротивление, которое с каждой секундой становилось слабее, пока она не ответила на его поцелуй.

Цезарь не имел права вспоминать это с таким наслаждением.

Но право никогда не было условием его желаний.

Он закрыл глаза.

Лиана.

Он всегда называл её так — даже в мыслях. Имя было привычным, почти удобным. Оно связывало её с прошлым, с разгромленным королевством, с королём, которого Цезарь когда-то считал осторожным и расчётливым человеком.

Лиана была дочерью этого короля.

Он видел её однажды.

Много лет назад.

Тогда Цезарь ещё не носил корону.

Его отец отправил его с дипломатическим визитом в королевство Сола. Официально — для заключения торгового соглашения. На деле же драконье королевство хотело проверить, насколько слаба соседняя держава.

Цезарь провёл в Соле почти две недели.

Он помнил длинные белые галереи, тёплые сады, фонтаны с голубой водой. Помнил запах воска, старого дерева и пряностей, которые король подавал к вечернему столу.

И помнил Лиану.

Ей было около шестнадцати. Худенькая, бледная, с тёмно-русыми волосами и слишком большими серыми глазами. Она держалась безупречно, говорила мало и почти не смотрела на гостей.

Цезарь тогда не интересовался ею.

Принцесса была частью двора, частью дипломатического спектакля. Её присутствие означало, что король готов показать свою семью и тем самым продемонстрировать уверенность.

Он не запомнил её голос.

Не запомнил походку.

Но запомнил, что в тот вечер она стояла справа от трона.

Единственная дочь.

— У короля нет других детей? — спросил тогда Цезарь у советника, сопровождавшего его.

— Только принцесса Лиана, — ответил тот.

Только принцесса Лиана.

Эти слова всплыли сейчас с неприятной ясностью.

Цезарь открыл глаза.

Он много раз прокручивал в памяти события последних недель, пытаясь найти объяснение.

София — так она называла себя в редкие минуты, когда забывалась, — не была похожа на ту девочку.

Но возраст мог изменить лицо.

Память могла исказить детали.

Война могла превратить тихую принцессу в женщину, которая научилась защищаться язвительностью.

Однако оставалось слишком много несоответствий.

Она не знала расположения залов собственного дворца. Не помнила имён придворных. Не узнала баронесс, хотя Вивиан и Кларисса утверждали, что встречались с ней прежде.

Она не понимала обычаев Сола и не знала древних песен, которые каждая принцесса королевского рода учила с детства.

Зато она знала вещи, которым не могла научиться случайная служанка.

Видела магические следы.

Чувствовала драконов.

И обладала исцеляющей магией.

Цезарь вспомнил тот день, когда впервые увидел её силу.

Они возвращались из приграничной крепости. Один из стражников сорвался с лошади и распорол бок о каменный выступ. Рана была глубокой, кровь пропитывала одежду почти мгновенно.

Лиана — опустилась рядом с ним на колени.

Она не произнесла заклинания.

Не использовала амулет.

Только прижала ладонь к ране.

Свет возник под её пальцами — мягкий, золотисто-серебряный, будто внутри кожи зажглась звезда. Кровотечение остановилось. Края раны сомкнулись. Даже шрам исчез за несколько минут.

Цезарь тогда смотрел не на исцелённого стражника.

На неё.

На то, как она побледнела после этого, как задрожали пальцы, как она спрятала ладони в рукава, чтобы никто не заметил слабости.

Исцеляющая магия была даром древних чистокровных родов.

Не придворных лекарей.

Не слуг.

Не случайных девочек, которых можно было нарядить в принцессу.

Даже среди древних она встречалась редко.

Цезарь знал это слишком хорошо.

Он вырос среди магии. Знал её цену, её ограничения, её признаки. Видел, как чистокровные бароны сжигали собственную кровь, пытаясь вызвать силу, которой не обладали.

Служанка не могла исцелить смертельную рану.

Не без артефакта.

Не без подготовки.

А Лиана не носила на себе ни одного магического предмета.

Значит, она была древней.

Или король Солы хранил тайну, о которой не знали даже его ближайшие союзники.

Цезарь не мог решить, какая возможность была опаснее.

Он отошёл от окна и налил себе вина.

В бокале отражалось его лицо — жёсткое, уставшее, незнакомое. За последние дни он стал хуже спать. Чаше терял терпение. Срывался на слуг и стражников. Отменял встречи, лишь бы не покидать ту часть замка, где находились её покои.

Это было недопустимо.

Он привык владеть собой.

Лиана разрушала эту привычку почти без усилий.

Она могла одним словом вызвать в нём ярость. Одним взглядом — желание. Одним молчанием — тревогу.

Цезарь помнил, как увидел её после нападения баронесс.

На запястьях темнели следы магических пут.

Он едва удержался, чтобы не убить Вивиан и Клариссу на месте.

Не потому, что они нарушили приказ.

Не только поэтому.

Он увидел боль в её глазах — и почувствовал её почти как собственную.

Это было неразумно.

Лиана должна была быть политической фигурой. Заложницей. Доказательством победы над Солой.

Цезарь не должен был думать о том, кто коснулся её кожи.

Не должен был хотеть знать, что именно произошло между ней и Джулианом в библиотеке.

Не должен был замечать, как его брат смотрит на неё.

Но он замечал.

Слишком хорошо.

Джулиан улыбался Лиане так, будто имел на это право. Приближался к ней без страха. Разговаривал с ней легко, не требуя осторожности и подчинения.

С ней Джулиан становился тем, кем был всегда: тёплым, беззаботным, почти светлым.

Цезарь ненавидел это.

Не Джулиана.

То, что рядом с ним Лиана могла расслабиться.

Когда она смеялась с его братом, Цезарь чувствовал раздражение, которому не находил достойного объяснения. Когда Джулиан касался её локтя или наклонялся к ней слишком близко, хотелось приказывать ему отойти.

Это было не братское беспокойство.

Не забота о безопасности.

Это была ревность.

Цезарь произнёс слово про себя и почувствовал отвращение.

Ревность была слабостью.

А он не имел права быть слабым.

Особенно из-за женщины, чья личность оставалась загадкой.

Он подошёл к столу, где лежали документы, привезённые из архивов Солы.

Среди них был старый список королевской семьи.

Цезарь снова развернул его.

Король Эдгар.

Королева Мариэль.

Принцесса Лиана.

Больше никого.

Ни второй дочери.

Ни незаконнорождённого ребёнка.

Ни упоминания о дальней родственнице, которая могла бы походить на пленницу.

Он провёл пальцем по строчке с именем принцессы.

Если перед ним действительно была Лиана, почему она не помнила собственного дворца?

Если она была самозванкой, откуда у неё кровь древних?

Возможно, король заранее подготовил замену.

Перед поражением он мог отправить настоящую Лиану прочь, а вместо неё подставить служанку — девушку, похожую на принцессу. Или, наоборот, настоящую принцессу спрятать, а Софию использовать как приманку.

Но зачем?

Чтобы выиграть время?

Чтобы скрыть наследницу?

Чтобы заставить драконье королевство поверить, будто королевская линия оказалась в плену?

Цезарь был способен принять любую политическую игру.

Но тогда оставался вопрос: почему Лиана сама не знает, кто она?

Она не выглядела искусной лгуньей.

Слишком часто её эмоции опережали слова. Слишком искренне она злилась. Слишком легко позволяла себе ранить его там, где любой осторожный враг промолчал бы.

Она не играла роль.

По крайней мере, не всегда.

Цезарь вспомнил её лицо у водопада.

Когда она сказала, что он не видит её.

Слова застряли в нём занозой.

Вы видите образ, который создали сами.

Возможно, именно это он и делал.

Видел в ней Лиану, потому что так было проще.

Пленница имела имя. Имя имело происхождение. Происхождение объясняло его право удерживать её.

Но если она была Софией, всё становилось сложнее.

Тогда он не мог считать её частью побеждённого королевства.

Не мог прятать собственное желание за политикой.

Не мог притворяться, что её присутствие в замке ничего не меняет.

Цезарь закрыл глаза.

София.

Это имя звучало непривычно.

Мягко.

Опасно.

Он снова назвал её Лианой — мысленно, упрямо, почти с вызовом.

Лиана.

И всё же перед внутренним взглядом возникло её лицо.

Не лицо шестнадцатилетней принцессы из далёкого воспоминания.

Лицо женщины, которая смотрела на него так, будто он был одновременно её тюрьмой и единственным человеком, от которого она ждала защиты.

Цезарь резко отвернулся от стола.

Он не хотел быть её защитой.

Защита создавала привязанность.

Привязанность превращалась в уязвимость.

Уязвимостью пользовались враги.

Так было всегда.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появился Джулиан.

Его щеку пересекал тонкий порез, уже почти затянувшийся. Он держался спокойно, но в глазах его не было привычной насмешки.

— Ты поздно работаешь.

— Ты пришёл сообщить мне что-то важное?

— Да.

Цезарь налил ему вина, но Джулиан не притронулся к бокалу.

— Лиана в своих покоях. Целитель осмотрел её. Серьёзных повреждений нет.

Цезарь кивнул.

— Я знаю.

— Тогда зачем ты вызвал его?

— Потому что она была ранена.

— Она была напугана.

— Она не выглядела испуганной.

— Ты видишь только то, что хочешь видеть.

Цезарь поднял глаза.

— Осторожнее.

— Я уже слышал это сегодня.

— И всё ещё не научился слушать.

Джулиан усмехнулся, но без веселья.

— Вивиан и Кларисса опасны. Ты должен был знать, что они сорвутся.

— Я не ожидал, что они нападут в библиотеке.

— Они ревнуют.
— Они всегда ревновали.
— Не так.
Цезарь ничего не ответил.
Джулиан посмотрел на него пристально.
— Что между вами произошло у водопада?
В комнате стало холоднее.
— Это тебя не касается.
— Если из-за этого она боится тебя, касается.
— Она не боится меня.
— Ты опять говоришь это так, словно пытаешься убедить себя.
Цезарь встал.
— Ты пришёл спорить?
— Я пришёл сказать, что она не Лиана.
Цезарь застыл.
— Продолжай.
— Ты сам это знаешь.
— Я подозреваю.
— Нет. Ты уже уверен.
— Тогда объясни её магию.
— Возможно, она не служанка.
— Других дочерей у короля не было.
— Значит, она не дочь короля.
— Но чистокровная древняя.
Джулиан задумался.
— В старых родах бывают тайны.
— Не настолько большие.
— Ты боишься, что она окажется кем-то другим?
— Я не боюсь.
— Тогда почему не рассказал ей о своих подозрениях?
— Потому что она будет использовать их против меня.
— Или потому что ты боишься услышать правду.
Цезарь шагнул к нему.
— Хватит.
Джулиан не отступил.
— Ты ревнуешь меня к ней.
— Не смей меня.
— Ты не позволил мне остаться с ней наедине.
— Потому что баронессы могли вернуться.
— Они ушли.
— Не навсегда.
— Ты ревнуешь, Цезарь.
В следующую секунду Джулиан оказался прижат к стене.
Цезарь держал его за ворот рубашки.
— Ещё раз произнесёшь это слово — и пожалеешь.
Джулиан спокойно посмотрел ему в глаза.
— Значит, я прав.
Цезарь отпустил его.
Брат поправил одежду.

— Ты можешь продолжать называть её Лианой, если это помогает сохранять иллюзию контроля. Но она сама уже сказала тебе, кто она.

— Она сказала, что не станет похожей на Лиану.

— Нет. Она сказала, что не Лиана.

Цезарь отвернулся.

Где-то далеко, в глубине замка, часы пробили полночь.

Он представил девушку у окна. Наверное, она снова не спала. Наверное, смотрела на свои запястья и думала о том, что здесь никто не способен защитить её без платы.

Позови меня, — сказал он ей.

Но она выбрала Джулиана.

Цезарь сжал кулак.

— Она должна была позвать меня.

— Ты сам сделал так, чтобы она не хотела этого.

Эти слова ударили сильнее, чем хотелось признать.

Джулиан направился к двери.

— Завтра я поговорю с архивариусами. Может быть, найду сведения о других чистокровных родах Сола.

— Я не просил тебя.

— Но ты хочешь знать.

Цезарь не остановил его.

Когда дверь закрылась, он снова остался один.

На столе лежал список королевской семьи.

В нём было только одно имя.

Лиана.

Цезарь долго смотрел на него, затем взял перо и провёл рядом вторую строку.

Почерк вышел твёрдым, почти резким.

София.

Он не знал, кто она.

Самозванка.

Скрытая наследница.

Дочь древнего рода.

Служанка, которой дали чужое имя.

Враг.

Пленница.

Женщина, к которой он начинал привязываться.

Цезарь закрыл глаза и сжал перо до боли в пальцах.

В мыслях он снова назвал её Лианой.

Но впервые это имя прозвучало не как уверенность.

Как просьба.

Как страх потерять то, чем он никогда не обладал.

Глава 8. Сад памяти.

Сад Драконьего королевства был похож на место из старинной сказки.

Он начинался за восточной галереей и спускался по склону к самому краю утёса. Между белыми каменными дорожками росли цветы, названий которых София не знала. Одни раскрывались только в тени, испуская мягкое голубое сияние. Другие напоминали прозрачные колокольчики и звенели от каждого порыва ветра.

Над высокими кустами плавали золотистые мотыльки, оставляя после себя искрящиеся следы. В небольшом пруду, выложенном чёрным камнем, покачивались серебряные лилии.

Их лепестки медленно поворачивались вслед за Софией, словно цветы следили за каждым её шагом.

Она остановилась у воды и осторожно коснулась одного из цветов.

— Красивые, правда?

Голос раздался позади.

София резко обернулась.

На дорожке стоял молодой мужчина в бело-золотом одеянии главного жреца. На его груди сверкал символ Драконьего королевства — круг с расправленными крыльями. Светлые волосы свободно падали на плечи, а небесно-голубые глаза смотрели на Софию с такой знакомой теплотой, что у неё перехватило дыхание.

Он сильно изменился.

Мальчик, которого она помнила, стал красивым мужчиной с чёткими чертами лица и спокойной, уверенной осанкой. Но улыбка осталась прежней — немного насмешливой, чуть виноватой и невероятно родной.

София узнала его сразу.

— Маркус...

Он склонил голову.

— Здравствуй, София.

У неё задрожали пальцы.

Несколько мгновений они просто смотрели друг на друга, словно оба боялись, что видение исчезнет.

Затем София бросилась к нему.

Маркус успел поймать её и крепко обнял. Она уткнулась лицом ему в плечо, закрыв глаза. От него пахло ладаном, горными травами и чем-то знакомым, почти забытым.

— Я не верю, — прошептала она. — Ты жив.

— А ты думала, я позволю этому замку пережить меня?

София рассмеялась сквозь слёзы.

Маркус осторожно отстранил её и взял за плечи.

— Дай мне взглянуть на тебя.

— Зачем?

— Убедиться, что ты не призрак.

— Возможно, я им и стала.

Его улыбка исчезла.

— Не говори так.

Он коснулся её щеки ладонью. В его взгляде было столько заботы, что София снова почувствовала комок в горле.

Маркус был старше её всего на несколько лет, но в детстве всегда казался почти взрослым. Он заступался за неё, помогал прятаться от наставников и неизменно находил выход из неприятностей, в которые они попадали вместе.

Он был одним из немногих людей, рядом с которыми София могла не притворяться.

Рядом с ним ей не нужно было быть принцессой.

Не нужно было быть Лианой.

Не нужно было быть сильной.

— Я думала, ты остался в Соле, — сказала она.

— Я думал, тебя больше нет.

Эти слова повисли между ними.

Сад продолжал жить своей сказочной жизнью: над водой раскрывались светящиеся бутоны, в ветвях шелестели листья, где-то далеко перекликались птицы.

Но София снова оказалась на главной площади Сола.

Ей было девять лет.

Она помнила тот день до мелочей: яркое солнце, жар каменных плит под ногами, запах пряного хлеба и громкие голоса торговцев. На площади проходила ярмарка, и София сбежала от сопровождавших её слуг, чтобы посмотреть на выступление уличных музыкантов.

Тогда она ещё считалась принцессой.

Ей позволяли носить дорогие платья, украшения и плащ с гербом королевской семьи. Люди узнавали её и расступались, хотя София не любила, когда на неё смотрели с почтением.

Маркус был одет в простую серую рубашку. Его волосы были растрёпаны, колени испачканы, а в руках он держал деревянную фигурку дракона.

Трое мальчишек постарше окружили его у фонтана.

— Отдай, — потребовал один из них.

Маркус прижал игрушку к груди.

— Нет.

— Ты думаешь, раз служишь при храме, тебе всё можно?

— Я ничего вам не сделал.

— Тогда просто отдай дракона.

Они толкнули его.

Маркус пошатнулся, но не упал.

София не помнила, как оказалась рядом. Она лишь знала, что встала между ним и хулиганами.

— Оставьте его.

Мальчишки расхохотались.

— А ты ещё кто?

— Принцесса.

— Врёшь.

София подняла подбородок.

— Если вы не уйдёте, я позову стражу.

— А если не позовёшь?

Один из мальчишек сделал шаг вперёд.

София была меньше его почти вдвое, но не отступила. Внутри у неё всё дрожало, однако она продолжала стоять перед Маркусом, заслоняя его собой.

— Тогда я сама расскажу королю.

Хулиганы переглянулись.

Они знали, что она не лжёт.

Через несколько секунд мальчишки убежали, напоследок бросив в их сторону ругательство.

Маркус посмотрел на Софию снизу вверх.

— Ты сумасшедшая.

— Почему?

— Они могли тебя ударить.

— Но не ударили.

— Потому что ты принцесса.

— А ты потому что служишь при храме?

— Нет. Я просто очень страшный.

София рассмеялась.

Маркус протянул ей деревянного дракона.

— Держи.

— Это твой.

— Теперь наш.

С этого дня они стали неразлучны.

Они вместе бегали по дворцовым садам, прятались в старой библиотеке и устраивали тайные состязания на ловкость. Маркус учил Софию лазать по стенам, а София заставляла его пробираться на кухню за пирожными.

Он был рядом, когда она впервые разбила колено.

Когда София узнала, что её мать тяжело больна.

Когда король начал отдаляться от неё.

Когда придворные перестали называть её дочерью и стали говорить о ней как о неудобной наследнице.

А затем король Солы отказался от Софии.

Для двора это выглядело как окончательный приговор. Её лишили титула, покоев и права появляться при дворе. Одни говорили, что она опозорила семью. Другие шептались о дурном предзнаменовании.

Но никто не знал всей правды.

Даже Маркус.

Он пытался попасть к Софии, но его не пустили.

А потом она исчезла.

— Ты стал главным жрецом, — сказала София, возвращаясь в настоящее.

Маркус улыбнулся.

— А ты всё ещё удивляешься очевидному.

— Последнее, что я помню, ты пытался заставить храмового дракона съесть с твоей ладони кусок яблока.

— Он был очень убедителен.

— Он был размером с лошадь.

— Именно поэтому я решил, что нужно укреплять доверие.

София снова рассмеялась.

Маркус смотрел на неё с мягкой улыбкой, но вскоре его лицо стало серьёзным.

— Ты действительно здесь добровольно?

Вопрос был задан тихо.

София отвела взгляд.

— Нет.

— Тебя заставили?

— Не совсем.

— Тогда расскажи.

Она посмотрела на дорожку, ведущую между высокими цветами. Даже здесь ей казалось, что за каждым кустом может скрываться чужой взгляд.

Маркус заметил её тревогу.

— Здесь никого нет. Я проверил сад перед тем, как прийти.

София сжала пальцы.

— Король Солы заключил со мной сделку.

— С тобой?

— Со мной.

Маркус нахмурился.

— Но он отказался от тебя.

— Публично.

Он молчал.

— Моя мать была тяжело больна, — продолжила София. — Целители говорили, что она не переживёт зиму. Обычные лекарства уже не помогали. У короля были необходимые знания и доступ к древним артефактам, но он согласился помочь только на одном условии.

— Ты должна была исчезнуть?

— Я должна была стать Лианой.

Маркус не сразу понял.

— Что?

— Настоящая Лиана должна была покинуть дворец. А я... должна была занять её место.

Он смотрел на Софию, не произнося ни слова.

— Я играю её роль с тех пор, как оказалась здесь, — сказала она. — Должна говорить её голосом, носить её имя и вести себя так, будто всю жизнь была принцессой Сола. Если я справлюсь, моя мать получит помощь.

— А если нет?

София сглотнула.

— Тогда король заберёт у неё лечение.

Маркус выругался себе под нос.

Его глаза потемнели от гнева.

— Он использовал тебя.

— Да.

— И отправил к Цезарю?

— Это было частью договора.

— Зачем?

— Чтобы сохранить видимость того, что Лиана всё ещё жива. Чтобы Цезарь поверил, будто пленил принцессу, а не какую-то неизвестную девушку. Королю нужно время. И ему нужно, чтобы никто не начал искать настоящую наследницу.

— А ты?

— Я должна была стать достаточно убедительной, чтобы дожить до конца войны.

Маркус провёл рукой по волосам.

— София...

— Я знаю, как это звучит.

— Это звучит так, будто тебя бросили на растерзание хищнику.

— Цезарь не убил меня.

— Но он держит тебя в плену.

— Пока.

Маркус внимательно посмотрел на неё.

— Ты уверена, что сможешь выбраться?

София не ответила сразу.

В памяти всплыло лицо Цезаря. Его холодный взгляд, раздражение, которое он едва скрывал, и неожиданная ярость, когда ей причиняли боль. Он был опасен. Жесток. Непредсказуем.

Но иногда рядом с ним София забывала, что должна играть роль.

Иногда ей казалось, что он смотрит прямо на неё.

Не на Лиану.

На неё.

— Я не знаю, — призналась она. — Но должна попытаться.

Маркус осторожно взял её за руки.

— Почему ты рассказала мне?

— Потому что больше не могла молчать.

Она подняла на него глаза.

— Маркус, я умоляю тебя. Никому не рассказывай. Ни Цезарю, ни Джулиану, ни жрецам, ни кому-либо ещё.

— Ты можешь мне доверять.

— Я доверяю. Именно поэтому и говорю.

— Я никогда тебя не предаю.

— Даже если это будет означать нарушение приказа короля?

— Он давно перестал быть для меня королём, когда отказался от собственной дочери.

— Маркус...

— Я сохраню тайну, София.

Он произнёс её имя так уверенно, словно оно было священной клятвой.

— Я не расскажу никому.

София почувствовала, как напряжение, сжимавшее грудь всё это время, немного ослабло.

Она шагнула к нему и снова обняла.

Маркус крепко прижал её к себе.

— Ты всегда была слишком храброй, — прошептал он.

— Я была девятилетней девочкой, которая вмешалась в чужую драку.

— Именно. Большинство детей спрятались бы за стражей.

— Ты выглядел так, будто сейчас заплачешь.

— Я не плакал.

— Ты плакал.

— Это была пыль.

София улыбнулась ему в плечо.

Маркус любил её как старший брат. Он всегда был рядом, всегда защищал и никогда не требовал ничего взамен. В его присутствии не было той тревоги, которая возникала рядом с Цезарем. Не было желания, опасности и мучительного ожидания.

С Маркусом всё было просто.

Он знал её настоящую.

И всё равно остался.

— Я скучала по тебе, — призналась София.

— Я тоже.

Он отстранился и посмотрел на следы, оставшиеся на её запястьях.

Его лицо мгновенно стало жёстким.

— Это сделали они?

София опустила рукава.

— Уже неважно.

— Для меня важно.

— Маркус, пожалуйста.

Он сжал челюсть, но кивнул.

— Хорошо. Я не стану спрашивать.

— Ты всегда был упрямым.

— А ты всегда пыталась защищать тех, кто сам мог за себя постоять.

— Ты точно мог?

— Нет. Но мне нравилось делать вид.

В глубине сада раздался тяжёлый звук раскрывающихся крыльев. На дальней стене появился дракон, переливающийся зелёным и золотым. Он лениво повернул голову в их сторону, а затем снова улёгся на камни.

Маркус накиннул на плечи Софии свой плащ.

— Тебе стоит вернуться во дворец до наступления темноты.

— Почему?

— Вивиан и Кларисса могут искать тебя.

— Пусть ищут.

— А Цезарь может искать их.

София невольно подняла взгляд.

— Думаешь, он будет злиться?

Маркус посмотрел на её запястья.

— Думаю, он уже злится.

София отвела взгляд, но сердце предательски дрогнуло.

Ей не хотелось, чтобы Цезарь злился.

Ей хотелось, чтобы он поверил ей.

Чтобы увидел в ней не Лиану — принцессу из прошлого, пленницу и возможную самозванку, — а её саму.

Софию.

Но сейчас рядом с ней был Маркус.

Её друг из детства. Её единственный свидетель. Человек, который помнил её ещё до дворцовых интриг, до сделки с королём и до чужого имени.

— Ты действительно никому не расскажешь? — спросила она перед тем, как они покинули сад.

Маркус посмотрел ей прямо в глаза.

— Никому.

— Даже если тебя заставят?

— Тогда им придётся заставить замолчать главного жреца Драконьего королевства.

— Это звучит опасно.

— Я привык.

София улыбнулась.

Они медленно пошли к дворцу по дорожке, окружённой фантастически красивыми цветами.

Над садом сгущались сумерки. Серебряные лилии закрывали лепестки, золотые мотыльки исчезали в кустах, а светящиеся бутоны зажигались один за другим, освещая им путь.

София возвращалась туда, где ей снова придётся быть Лианой.

Но теперь она знала: в этом чужом королевстве есть человек, который помнит её настоящую.

И пока Маркус хранил её тайну, София не была одна.

Глава 9. Наказание ревностью.

Цезарь увидел их случайно.

Он возвращался из оружейной, когда заметил движение в саду. Сначала его внимание привлёк свет, исходивший от необычных цветов. Затем он увидел её.

Лиана стояла у серебряного пруда.

Рядом с ней был Маркус.

Цезарь остановился в тени арки.

Он не слышал их разговора. Расстояние между дорожками было слишком большим, а ветер уносил звуки в сторону утёсов. Но ему и не требовались слова.

Он видел всё необходимое.

Лиана улыбалась.

Не той осторожной улыбкой, которую иногда позволяла себе рядом с Цезарем. Не едва заметным движением губ, исчезающим прежде, чем он успевал понять, что оно вообще было.

Она смеялась открыто.

Её лицо светилось радостью. Она смотрела на Маркуса так, словно перед ней был не главный жрец Драконьего королевства, а единственный человек во всём мире, которого она действительно хотела видеть.

А потом она бросилась к нему в объятия.

Цезарь не шелохнулся.

Маркус поймал её и прижал к себе. Лиана уткнулась лицом ему в плечо, а затем отстранилась, продолжая улыбаться.

Эта улыбка обожгла Цезаря сильнее, чем могла бы любая насмешка.

С ним она была напряжённой.

С ним она следила за каждым словом, каждым движением. Рядом с ним в её взгляде всегда присутствовали настороженность и вызов, будто она ожидала удара и заранее готовилась ответить.

С Маркусом она была другой.

Свободной.

Тёплой.

Настоящей.

Цезарь сжал пальцы в кулак.

Кто он?

Вопрос был бессмысленным. Он знал, кто такой Маркус. Главный жрец, приближённый ко двору, человек, которому доверяли даже те, кто не доверял Цезарю.

Но Цезарь хотел знать не его титул.

Он хотел знать, кем Маркус был для Лианы.

Почему она позволяла ему касаться себя?

Почему смотрела на него так, словно они делили воспоминания, недоступные остальным?

Почему рядом с ним её лицо становилось мягким?

Цезарь ненавидел эти вопросы.

Ещё сильнее он ненавидел ответы, которые подсказывало воображение.

Он ушёл из сада, не дожидаясь окончания встречи.

Каждый шаг отдавался в нём раздражением.

Лиана не заметила его.

Или заметила, но предпочла не обратить внимания.

Обе возможности были одинаково невыносимы.

Вечером Цезарь приказал передать ей, чтобы она пришла в его покои.

Немедленно.

Он знал, что это приказ, который она не сможет проигнорировать.

И знал, что именно это ему и нужно.

Он хотел увидеть её лицо.

Хотел, чтобы она снова посмотрела на него так, как смотрела на Маркуса.

Хотел причинить ей хотя бы часть той боли, которую сам испытывал с того момента, как увидел их в саду.

Цезарь понимал, что это было мелочно.

Он был королём. У него имелись дела важнее, чем чужая улыбка и случайное объятие.

Но ревность не спрашивала разрешения.

Она проникала под кожу, отравляла мысли и заставляла совершать поступки, о которых наутро можно было пожалеть.

Цезарь не собирался сожалеть.

Он приказал зажечь только несколько свечей. Их света было достаточно, чтобы очертить высокую кровать, тяжёлые портьеры и кресло напротив.

Вивиан и Кларисса уже находились в его покоях.

Баронессы сидели по обе стороны от него, одетые в тонкие шелковые наряды, больше подходявшие для спальни, чем для королевского двора. Вивиан перебирала пальцами его волосы, а Кларисса медленно проводила ладонью по его плечу.

Цезарь позволял им это.

Не потому, что желал их прикосновений.

Сегодня они были лишь частью игры.

Инструментом.

Когда дверь открылась, Цезарь повернул голову.

Лиана вошла, остановилась на пороге и замерла.

Её взгляд мгновенно скользнул по комнате.

По женщинам.

По Цезарю, лежавшему среди подушек в одних тёмных брюках.

По рукам баронесс, которые всё ещё касались его.

Затем её лицо стало непроницаемым.

Слишком быстро.

Цезарь заметил, как напряглись её плечи.

Значит, ей было не всё равно.

Эта мысль принесла ему короткое, жестокое удовлетворение.

— Подойди, Лиана, — приказал он.

Она медленно пересекла комнату.

— Вы звали меня, ваше величество?

— Сядь.

Он указал на кресло напротив кровати.

Лиана посмотрела на него, потом на баронесс.

— Зачем?

— Я хочу, чтобы ты кое-что увидела.

— Я не расположена к развлечениям.

— Тебя не спрашивали о расположении.

Вивиан тихо рассмеялась и прижалась к его боку.

Цезарь почувствовал, как внутри поднимается новая волна раздражения. Он позволил ей продолжать, хотя прикосновения баронессы казались теперь неприятными.

Лиана села.

Она держалась прямо, сложив руки на подлокотниках. Только побелевшие пальцы выдавали напряжение.

Цезарь не сводил с неё глаз.

— Продолжайте, — сказал он баронессам.

Кларисса наклонилась к нему, коснулась губами его шеи. Вивиан провела рукой по его груди, задержавшись у ремня брюк. Обе девушки распалялись все больше. Их прикосновения становились откровеннее. Цезарь позволял им это. Вивиан положила свою ладонь на ткань брюк над мощным достоинством мужчины. Она медленно водила рукой вверх-вниз, стараясь угодить Цезарю. Кларисса же хаотично оставляла поцелуи на его груди. Облизывала, прикусывала кожу, выводила немыслимые узоры. Баронессы, как кошки, терлись о мужчину оголенными участками тела. Вся эта сцена была сплошной пошлостью.

Лиана смотрела.

С каждой секундой её лицо становилось всё холоднее.

Цезарь видел, как в её глазах вспыхнула злость. Затем — боль. Она пыталась скрыть её, но не успела.

Вот так ты смотрела на Маркуса?

Ему хотелось сказать это вслух.

Хотелось спросить, почему она способна улыбаться другому мужчине, но не ему.

Вместо этого он обхватил ладонью затылок Клариссы и позволил ей приблизиться ещё сильнее.

Баронесса довольно улыбнулась.

— Ваше величество, вы сегодня особенно молчаливы.

— Тебе это мешает?

— Напротив.

Она снова коснулась его губами, намеренно медленно, будто хотела убедить всех в своей власти над ним.

Цезарь не ответил.

Он смотрел только на Лиану.

Её подбородок дрогнул.

— Довольно, — сказала она.

Голос прозвучал тихо, но в нём уже слышалась угроза.

Цезарь откинулся на подушки.

— Я не разрешал тебе говорить.

— Мне безразлично, что вы разрешали.

— Тогда тебе стоит научиться молчать.

— А вам — научиться вести себя достойно.

Вивиан подняла голову.

— Какое бесстыдство.

— Я обращалась не к вам.

— Но находишься в спальне короля и позволяешь себе оскорблять его.

— Я всего лишь сказала правду.

Кларисса усмехнулась.

— Тебе неприятно видеть, как он проводит время с другими женщинами?

Лиана резко посмотрела на неё.

— Не льстите себе.

— Тогда почему ты побледнела?

В комнате повисла тишина.

Цезарь чувствовал, как его собственная злость смешивается с удовлетворением. Он добился желаемого. Лиана была здесь, смотрела на него и не могла скрыть того, что происходило внутри.

Но почему это не принесло ему облегчения?

Почему её боль не радовала его?

Почему от каждого прикосновения баронесс к нему становилось всё тяжелее дышать?

Вивиан наклонилась к Клариссе и прошептала что-то ей на ухо.

Обе рассмеялись.

Это стало последней каплей.

Лиана резко встала.

— Убирайтесь к чёрту.

Смех оборвался.

Кларисса медленно повернула голову.

— Что ты сказала?

— Я сказала, чтобы вы убирались к чёрту из этой комнаты.

— Ты забыла, с кем разговариваешь?

— Нет. Я прекрасно знаю, с кем разговариваю. С двумя избалованными женщинами, которые цепляются за короля, потому что больше ничем не способны привлечь внимание.

Лицо Вивиан исказилось.

Она вскочила с кровати и в два шага оказалась перед Лианой.

Пощёчина прозвучала резко.

Голова Лианы повернулась от удара.

На её щеке мгновенно проступил красный след.

Цезарь застыл.

На несколько секунд в спальне воцарилась абсолютная тишина.

Затем воздух вокруг него дрогнул от магии.

— Ты подняла руку на Лиану, — произнёс он.

Вивиан побледнела.

— Ваше величество, она оскорбила меня.

— Я слышал, что она сказала.

— Она заслужила наказание.

Цезарь медленно встал с кровати.

В его взгляде не осталось ни капли прежнего раздражения. Только ледяная ярость.

— Ты решила наказать её в моей спальне?

— Я...

— Ты решила прикоснуться к моей пленнице без моего приказа?

Вивиан отступила.

— Цезарь...

Он даже не заметил, когда она перестала обращаться к нему официально.

— Вон.

— Но...

— Обе. Немедленно.

Кларисса соскользнула с кровати и попыталась приблизиться к нему.

— Ваше величество, неужели вы позволите какой-то чужеземке настроить вас против нас?

Цезарь повернул голову.

— Ещё одно слово — и завтра вы покинете столицу.

Кларисса замолчала.

Вивиан бросила на Лиану злобный взгляд, но теперь не осмелилась подойти к ней.

— Вон! — повторил Цезарь.

Баронессы поспешно вышли.

Дверь захлопнулась.

Цезарь остался один с Лианой.

Несколько мгновений он не двигался.

Она стояла у кресла, прижав ладонь к щеке. В её глазах горели ярость и унижение.

Цезарь почувствовал укол вины.

Он сам создал эту сцену.

Сам приказал ей смотреть.

Сам позволил баронессам касаться его, чтобы вызвать её ревность.

Но он не приказывал Вивиан бить её.

И всё же именно он привёл к этому.

— Подойди, — сказал он тише.

— Не приказывайте мне.

— Лиана.

— Вы хотели наказать меня. Поздравляю. У вас получилось.

Её голос дрогнул, но она не заплакала.

Цезарь сделал шаг к ней.

— Я не знал, что Вивиан ударит тебя.

— Но знали, что она будет унижать меня.
Он промолчал.
— Вы видели меня в саду, — продолжила она. — Поэтому устроили это?
Цезарь замер.
— О чём ты говоришь?
— Вы ревновали.
Внутри него всё сжалось.
— Не говори глупостей.
— Я видела ваше лицо, когда вошла.
— Ты слишком высокого мнения о себе.
— А вы слишком плохо лжёте, когда злитесь.
Её слова попали точно в цель.
Цезарь подошёл ближе. Теперь между ними оставалось всего несколько шагов.
— Кто такой Маркус?
— Мой друг.
— Всего лишь друг?
Лиана усмехнулась.
— Вас это не касается.
— Всё, что происходит с тобой в моём королевстве, касается меня.
— Я не ваша собственность.
— Ты находишься в моём замке.
— Не по собственной воле.
Эта фраза заставила его замолчать.
Цезарь смотрел на её покрасневшую щёку и понимал, что хотел увидеть совсем не это.
Он хотел, чтобы она ревновала.
Чтобы ей было больно.
Чтобы она поняла: он тоже способен причинить ей боль.
Но теперь ему хотелось уничтожить всё, что напоминало о случившемся.
— Я прогоню Вивиан и Клариссу из столицы, — сказал он.
— Мне всё равно.
— Не лги.
— Я не лгу. Мне всё равно, куда вы отправите своих любовниц.
— Они не мои любовницы.
— Вы позволяли им касаться себя.
— Потому что хотел, чтобы ты увидела.
Лиана замолчала.
Цезарь понял, что сказал правду слишком поздно.
В её взгляде промелькнуло удивление.
— Вы сделали это намеренно?
— Да.
— Чтобы причинить мне боль?
Он сжал челюсть.
— Чтобы ты поняла, что не одна имеешь право заставлять меня ревновать.
— Я никогда не пыталась заставить вас ревновать.
— Нет. Ты просто улыбаешься другим мужчинам так, будто рядом с ними забываешь обо всём.
— А рядом с вами я должна помнить, что нахожусь в плену.
Цезарь отвёл взгляд.
Эти слова были справедливы. Именно поэтому он не мог ответить.

Лиана направилась к двери.

— Остановись.

Она не остановилась.

— Лиана, остановись.

На этот раз она замерла, но не повернулась.

Цезарь смотрел ей в спину и ощущал, как рушатся последние остатки его тщательно выстроенного самообладания.

Он мог приказать ей остаться.

Мог заставить её выслушать.

Мог напомнить о том, что она пленница.

Но вместо этого произнёс:

— Сдайся мне.

Лиана медленно обернулась.

— Что?

Цезарь выдержал её взгляд.

— Прекрати сопротивляться. Перестань видеть во мне только врага. Позволь мне быть рядом с тобой.

— Вы называете это сдачей?

— Я не знаю другого способа сказать.

— Конечно. Вы привыкли получать всё приказами.

— Если ты сдашься мне, я больше не позволю никому причинить тебе вред.

— А вы сами?

Вопрос прозвучал тихо.

Цезарь почувствовал, как тяжелеет воздух между ними.

— Я не обещаю, что перестану быть опасным, — сказал он. — Но обещаю, что буду принадлежать только тебе.

Лиана смотрела на него так, словно пыталась понять, действительно ли он произнёс эти слова.

— И вы хотите, чтобы я принадлежала вам?

— Да.

— После этой сцены?

— Я знаю, что не заслуживаю твоего доверия.

— Наконец-то вы сказали что-то разумное.

— Но я всё равно хочу его.

Лиана коснулась щеки, на которой всё ещё горел след пощёчины.

— Вы хотите, чтобы я сдалась вам, потому что боитесь потерять контроль.

— Возможно.

— Или потому что боитесь потерять меня?

Цезарь не ответил.

Ответ был слишком очевиден.

Лиана отвернулась.

— Я не могу принадлежать вам, Цезарь.

Его сердце болезненно сжалось.

Она продолжила:

— Не потому, что ничего к вам не чувствую. А потому, что вы всё ещё думаете, будто любовь можно получить приказом.

Цезарь замер.

Лиана открыла дверь.

— И если вы действительно хотите, чтобы я когда-нибудь выбрала вас, перестаньте наказывать меня за то, что я не ваша.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Цезарь остался посреди комнаты, окружённый смятыми подушками, запахом чужих духов и тишиной.

Он смотрел на кресло, в котором она сидела.

На место, где она стояла после пощёчины.

На дверь, за которой исчезла.

Впервые за долгое время Цезарь понял, что ревность не делала его сильнее.

Она лишь показала, насколько легко Лиана могла причинить ему боль.

И насколько сильно он уже боялся однажды потерять её.

P.S. глава глазами Цезаря, поэтому она Лиана, а не София.

Глава 10. Изумрудный огонь.

Цезарь пришёл за Софией незадолго до заката.

Дворец в этот день гудел, словно потревоженный улей. По широким коридорам непрерывным потоком двигались слуги, придворные, посланники и охрана. На лестницах расстилали новые ковры, в залах зажигали дополнительные светильники, а из-за закрытых дверей доносились звуки музыки — придворные музыканты в последний раз репетировали перед балом.

Король Драконьего королевства устраивал маскарад в честь завершения переговоров с горными кланами. Формально вечер должен был стать праздником дипломатии и единства земель.

На деле же любой бал при дворе превращался в поле боя.

Здесь заключались тайные соглашения, рушились помолвки, рождались слухи и выбирались будущие союзники. За масками можно было позволить себе больше откровенности, чем при обычном свете. А за танцем — спрятать угрозу, обещание или признание.

София стояла перед высоким зеркалом и закрепляла на волосах тонкую золотую цепочку.

Её волосы сегодня не собирали в причёску. Они струились по спине тяжёлой светлой волной, отливая золотом и тёплым мёдом. У висков оставили несколько свободных прядей, подчёркивавших тонкие линии лица. Зелёные глаза казались особенно яркими на фоне изумрудного платья — глубокими, прозрачными и опасными, как лесное озеро, скрывающее под гладью тёмную воду.

Платье было великолепным.

Ткань мягко облегла грудь и талию, а затем свободно стекала вниз многочисленными слоями. При каждом движении изумрудный шёлк переливался от тёмно-зелёного до почти золотистого оттенка. По краям юбки и вдоль лифа тянулась вышивка из тонких золотых нитей. Она напоминала переплетение драконьих крыльев и языков пламени.

Спина оставалась открытой почти до поясицы.

Лишь две узкие золотые ленты пересекали её, соединяясь на талии и удерживая платье. Их концы были украшены маленькими драгоценными камнями, которые мерцали при каждом вдохе.

София провела пальцами по ткани.

Наряд был слишком смелым для женщины, которую при дворе всё ещё называли пленницей.

Но именно поэтому она его и выбрала.

За её спиной на столике лежала маска. Изумрудная, с золотой окантовкой, она была украшена узорами, похожими на ветви древнего дерева. По краю маски шли маленькие зелёные камни, а у виска застыла золотая фигурка драконьего глаза.

София уже протянула к ней руку, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Дверь открылась.

Цезарь остановился на пороге.

Он был одет в чёрный камзол с тёмно-золотой вышивкой. Воротник и плечи украшали тонкие металлические пластины, стилизованные под чешую. На груди сверкал знак королевского дома. Его волосы были собраны на затылке, а несколько тёмных прядей свободно падали у висков.

В руках он держал маску.

Чёрную, с узким золотым узором, напоминавшим раскрытое драконье крыло.

Он не произнёс ни слова.

София наблюдала за ним через зеркало.

— Если вы пришли сообщить, что моё платье слишком открытое, можете не утруждаться.

— Я не собирался говорить ничего подобного.

— Тогда почему молчите?

Цезарь перевёл взгляд с её отражения на открытую спину.

— Пытаюсь подобрать слова, которые не прозвучат слишком откровенно.

— Неужели наследный принц способен смутиться?

— Рядом с тобой — иногда.

Лиана медленно обернулась.

— Вы опасно часто говорите то, чего от вас не ожидают.

— Ты опасно надеваешь платья, которые заставляют меня забывать, что я собирался сказать.

Она скрестила руки на груди.

— Это уже больше похоже на упрёк.

— Это наблюдение.

— Разумеется.

Цезарь вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь.

— Король ожидает гостей через несколько минут. Я буду ждать тебя у главной лестницы.

— Вы уверены, что я приду?

— Да.

— Почему?

— Потому что ты захочешь увидеть, как весь двор будет пытаться понять, почему я привёл тебя на бал.

— Возможно, я приду именно ради этого.

— Я не сомневался.

— А если я решу провести вечер не рядом с вами?

— Это возможно.

— Вы не станете возражать?

— Стану.

— Но не станете запрещать?

— Сегодня — нет.

Она внимательно посмотрела на него.

— Как щедро.

— Не привыкай.

Цезарь хотел выйти, но задержался у двери.

— Лиана.

Она подняла глаза.

— Да?

— Не отходи далеко от меня.

— В этом дворце мне угрожают настолько открыто?

— Нет. Здесь улыбаются.

Его голос стал холоднее.

— Улыбка при дворе бывает опаснее ножа.

— Тогда я буду внимательна.

— Я знаю.

Он вышел.

София ещё некоторое время смотрела на закрытую дверь, а затем надела маску.

В парадном зале было душно от света и людей.

Огромные хрустальные люстры парили под высоким потолком, удерживаемые чарами. Внутри каждой горел голубой огонь, отбрасывавший на стены холодные отблески. Между колоннами висели тяжёлые полотнища с гербами древних родов. По краям зала стояли статуи драконов, высеченные из чёрного камня. В их глазах мерцали красные кристаллы, и казалось, будто они следят за каждым гостем.

Вдоль стен располагались столы с фруктами, сладостями и напитками. В золотых чашах плавали лепестки белых цветов. Их аромат смешивался с запахом воска, пряного вина и дорогих духов.

На балконе над залом разместился оркестр.

Арфы, скрипки, виолы и длинные медные трубы с изогнутыми раструбами создавали музыку, в которой слышались и торжественность королевского двора, и что-то древнее, почти звериное.

София спускалась по лестнице медленно.

Не потому, что боялась упасть.

Она чувствовала на себе взгляды и не собиралась позволять им заметить её тревогу.

При виде её внизу разом стихло несколько разговоров.

Гости поворачивались следом. Кто-то шепнул соседу имя «Лиана», кто-то назвал её плененной принцессой, а кто-то просто замолчал, разглядывая изумрудную ткань и золотые волосы.

Цезарь ждал у подножия лестницы.

Он поднял голову, и на несколько секунд его неподвижность сказала больше, чем любые слова.

София остановилась перед ним.

— Ты опоздала, — сказал он.

— Я хотела убедиться, что вы успеете подготовиться к моему появлению.

— К чему именно?

— К тому, что сегодня внимание будет приковано не только к вам.

— Я переживу.

Цезарь протянул руку.

Она положила пальцы на его локоть.

— Вы выглядите так, будто уже начали ревновать, — заметила София.

— Я ещё даже не видел, кто будет с тобой танцевать.

— Значит, это случится позже.

— Не сомневаюсь.

Они направились к королевскому возвышению.

Король стоял в окружении советников и послов.

Он был одет сдержанно, почти строго. Тёмно-алый камзол без лишних украшений, чёрный плащ с золотой застёжкой и массивный перстень с гербом королевского дома. Его маска была выполнена в форме драконьего черепа, но не скрывала золотых глаз.

Король не улыбнулся, увидев Софию.

Его взгляд задержался на ней ровно настолько, насколько требовали приличия: лицо, маска, платье, рука на локте Цезаря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.